

Марина Крамер

ЧЕРНАЯ

ВДОВА

Уйти навсегда

9

Марина Крамер

ЧЕРНАЯ ВДОВА

Черная вдова Марина Коваль

Марина Крамер

Черная вдова. Уйти навсегда

«Марина Крамер»

2009

Крамер М.

Черная вдова. Уйти навсегда / М. Крамер — «Марина Крамер»,
2009 — (Черная вдова Марина Коваль)

ISBN 978-5-699-33860-3

В городе появляется матерый бандит Кадет. Он покушается на футбольный клуб Марины Коваль – правой руки «смотрящего» Гриши Беса. Коваль даже слышать не желает об уступке клуба: она собирается вывести команду в Высшую лигу. Однако Бес многим обязан Кадету и разрывается между желанием договориться с опаснейшим противником и оградить Марину от страшной беды. Ведь в случае несогласия строптивой владелицы клуба бандит обещает похитить маленького сына Марины. Коваль прячет мальчика в Англии вместе с подругой Ветой. Но все бесполезно: Вета смертельна ранена, малыш похищен. И Наковальня отправляется в логово безжалостного убийцы...

ISBN 978-5-699-33860-3

© Крамер М., 2009
© Марина Крамер, 2009

Содержание

Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Марина Крамер

Черная вдова. Уйти навсегда

Часть 1

Ноябрь – самый противный месяц в году. Еще не зима, но уже и не осень – все раскисло, снег идет с перерывами, никак не желая укрывать голую землю. Небо становится низким, серым и мрачным.

И настроение соответствующее. Самая мучительная пытка – в ноябре выходить из дома и ехать куда-то. Отвратительный месяц... Во всяком случае, Марина была искренне в этом убеждена, потому что только в ноябре ее мучили припадки немотивированной агрессии. В этом году, правда, все началось немного раньше...

... – Господи, да прекратите вы маразм! – Коваль просто кипела от злости, меряя шагами кабинет Барона в офисе «Империи удачи». – Ребенку год, с какой стати я буду закатывать вечеринку, как на вручении «Оскара»?

– Марина Викторовна, это не моя идея, мамой клянусь! – божился взмокший от напряжения Барон, вытирая большим клетчатым платком плешивую голову. – Это Жека приезжал неделю назад, просил все сделать.

Опять слишком самостоятельный Хохол решил что-то без ее ведома! Как же она устала от его упрямства! И Барону, бедному, досталось под горячую руку.

– Ладно, Михалыч, извини, погорячилась, – признала Марина, садясь за стол и вытаскивая из сумочки пачку сигарет. – Просто Женька рехнулся от сознания, что у него есть сын, вот и чудит. Значит, так – никаких вечеринок не будет, я даже думать об этом не желаю, день рождения сына отмечу дома и без всякой помпы.

– Клоунов хотя бы закажите, – посоветовал Барон, роясь в визитнице. – Дети это любят.

– Да?

– А то! Себя не помните в детстве?

В ее детстве не было никаких клоунов, если не считать таковыми постоянно меняющихся мамашиних собутыльников. Но зачем об этом знать управляющему?

– Не помню, – она докурила сигарету и попросила: – Вот это ты на себя возьми, ладно?

– Как хотите. Значит, по бумагам все? – он принялся убирать со стола огромные папки с договорами, аккуратно расставляя их на полках.

– Да, Михалыч, ты молоток, все правильно сделал. Если возникнут проблемы, звони.

Марина подхватила с вешалки свое пальто и попрощалась. В приемной ждали охранники, болтали с хорошенькой секретаршей Оленькой, та кокетничала, сидя на краешке стола, закинув ножку на ножку и заливисто хохоча. Рыжеволосый улыбчивый Сева что-то рассказывал вполголоса, секретарша то и дело наклонялась к нему, чтобы лучше слышать, а серьезный, чуть мрачноватый Гена снисходительно улыбался, наблюдая за тем, как легко и быстро умел его напарник расположить к себе любую девушку.

– Все, гастроли цирка окончены! – объявила Коваль, берясь за ручку двери, и Сева с Геной сорвались с дивана. – До свидания, Ольга. Кстати, сидеть на столе – примета плохая, говорят, замуж не выйдешь.

– До свидания, Марина Викторовна! – смущенно пробормотала она, одергивая короткую юбочку.

На улице Марина насмешливо посмотрела на своих телохранителей:

– Что, дрогнуло сердце спецназовцев?

Они заулыбались, но не ответили. Эти двое были очень серьезными мужиками, никаких пашней ни с кем не заводили, во всяком случае, хозяйка об этом не знала. Она уселась в машину, велев ехать домой, и набрала мобильный Хохла.

– Дорогой, ты закончил? – Женька ездил к Марининому племяннику Николаю в футбольный клуб за списком игроков, с которыми собирался перезаключить контракт на следующий сезон новый главный тренер.

– Да, котенок, жду вас на выезде из города, – отозвался он. – У меня для тебя сюрприз.

«Ага, один сюрприз от тебя я уже сегодня получила, и ты за него ответишь дома!» Но вслух она проговорила мяукающим тоном:

– Ты заинтриговал меня, родной мой...

Женькин смех в ответ подсказал, что Коваль сделала все правильно, именно такой реакции он от нее и ждал. За последние два месяца, с появлением в их жизни маленького Егорки, очень многое поменялось, в том числе и сам Хохол.

Он стал мягче, все больше времени проводил с малышом, отказываясь иногда даже от поездок с Мариной, поручал ее телохранителям. Но если она была дома, то и ей старался уделить как можно больше внимания. Было ощущение, что он искренне верит в то, что мальчик – их с Мариной сын, а не ребенок ее погибшего мужа и молодой девчонки, случайно разбившейся в автомобильной аварии. Егорка звал его папой, к нему первому бежал с ревом, ударившись или проснувшись ночью от страшного сна, и за это Хохол был готов подпрыгнуть и достать ему с неба звезду. Марина иногда даже ревновала, когда из двух пар протянутых рук Егорка выбирал Женькины. Хохол смеялся и утешал:

– Котенок, просто я чаще бываю с ним, вот и все, а любит он нас одинаково. Ты бы видела, как он ждет тебя по вечерам, как на каждый шум у ворот отвлекается, чем бы ни был занят!

Но ей от этого не становилось легче – Марина прекрасно знала, что мать она никудышная, дома бывает редко, а с тех пор, как вернулся из-за границы Гриша Бес, времени на сына почти не остается. Найти няню они так пока и не смогли, поэтому все заботы о ребенке взяли на себя Хохол и домработница Даша.

На прошлой неделе Марина опять заезжала в агентство, но предложенные кандидатки ее снова не устроили – то не тот возраст, то образования нет, то просто неприятная внешность. Тупик.

Вспомнив об этом сейчас, она постучала по плечу телохранителя Гену:

– Слушай, что там с твоей сестрой? Она вообще собирается ехать сюда или нет?

Гена повернулся и расстроенно сказал:

– Ох, Марина Викторовна, проблемы там у нее, стала продавать квартиру, а ее кинули какие-то гастролеры, ровно на половину суммы нахлобучили.

– Так ты-то чего здесь сидишь? Езжай, помоги.

– Я ж на работе...

– Ой-ой-ой, какие мы незаменимые! Сева возьмет пока Данилу, вот и все, – пожала Марина плечами. – Ты ж понимаешь, что я еще и о себе думаю – доверить ребенка чужому человеку у меня рука не поднимается, а Дашка, бедная, и так по горло в делах, куда ей еще и Егорка! Кстати, горничную я взяла новую, а то скоро Дарья свалится – нас трое, да вас бригада целая, всем угоди, всех накорми, за всеми убери.

Эта мысль уже не раз приходила ей в голову, но Даша упорно отказывалась пустить на свою территорию еще кого-то – она много лет работала в доме, еще до появления Марины, считала всех живущих членами своей семьи и не желала делить ни с кем. Но она не становилась моложе, и ей было тяжело везти этот воз. Так в доме появилась Катя. Сегодня вечером она должна была впервые приехать в «Парадиз».

На выезде из города, сразу за постом ГАИ, стоял Женькин «Навигатор», а сам он курил, облокотившись о дверку. Юрка посигналил, и они пронеслись мимо не останавливаясь. В зер-

кало Марина увидела, как Хохол отбросил окурок, прыгнул в машину и сорвался с места, догоняя «Хаммер».

– Так, Юрик, тормозни-ка на обочинке, – велела она, прищурившись, и водитель тяжело вздохнул, зная, что за этим последует.

Они поменялись местами, Коваль выждала, пока Женька пронесется мимо, и только после этого нажала на газ. «Хаммер» с ревом сорвался с обочины, в считанные секунды догоняя «Линкольн» и оставляя его далеко позади. Сидящий на первом сиденье Сева проклял, кажется, все на свете, глядя, как за окном на бешеной скорости мелькают голые деревья. Марина поехала чуть помедленнее, давая Хохлу возможность догнать, а потом снова поддала газу, стремительно отрываясь от него. Словом, до самого дома она травила и любовника, и охрану, пока, наконец, не показались ворота коттеджа. Остановив джип перед гаражом, Марина вышла и насмешливо посмотрела на въезжающего в ворота Женьку.

– Ну что, черепаха? Дополз? – спросила она, когда Хохол вышел из машины, бросив ключи подошедшему Коту.

Он сгреб ее и встряхнул так, что у нее едва не отвалилась голова.

– Спятил, на хрен?! Отпусти сейчас же! – заорала Марина, но Хохол рывкнул еще громче:

– Еще раз увижу, будешь ездить на электричке! Совсем башки нет? Когда начнешь думать о ком-то, кроме себя? Ребенок с кем останется, если что с тобой случится, дура беспонтовая?

– Перебор, Женья! – зло ответила Марина, сощуриив глаза и глядя на него из-под челки. – Не смей приближаться ко мне сегодня – пришибу на хрен!

Высказавшись, побежала в дом, где ждал сын. Сегодня с ним оставалась Виола, специально приехавшая из города, так как Даше одной было не управиться. Едва Марина успела повесить на вешалку пальто, как по лестнице застучали шажки маленьких ножек, раздался детский крик:

– Мама! Мама! – а за ним голос подруги:

– Егорка, осторожнее, упадешь! Стой, бандюга!

Но кто мог остановить Маринино сына, если он собирался первым добежать до мамы! Уж точно не Ветка! Коваль подошла к лестнице и протянула руки, подхватывая Егорку на руки и кружась с ним по холлу.

– Привет, родной мой! Я так соскучилась! – Он тыкался мордочкой ей в шею, делая вид, что целует – подсмотрел у Хохла, тот всегда с утра будил Марину поцелуем. – Ах ты, котенок мой! – Она поцеловала его в щечку и тут только заметила Ветку, стоящую на нижней ступеньке лестницы – она вся цвела и пахла, излучая счастье.

– Ты чего это? – удивилась Коваль, перехватывая Егорку под коленки и поворачиваясь к ней.

– Слушай, Бес приезжал, привез тебе цветы, – сказала она, показывая рукой на огромную корзину красных роз, стоящую у входа в каминную.

– С чего бы? – удивилась Марина.

– Сказал – мириться хочет.

«Ну понятное дело! Наорал, как на проштрафившуюся малолетку, а теперь мириться!»

Из-за того, что Коваль обзавелась ребенком, Бес едва не сожрал ее, ругая последними словами. Узнав, кто отец, немного остыл, но все равно дал понять, что это самый глупый поступок в ее жизни. Но это уже его проблема, и Марине они «до звезды», как любит говорить ее племянник.

– И по какому поводу ты так возрадовалась жизни? – полюбопытствовала она, направляясь вместе с Егором в спальню. – Хочешь, угадаю? Он тебе свидание назначил?

– Как ты узнала? – порозовела пойманная на слове ведьмочка.

– Блин, тоже мне секрет! Да он когда еще меня просил его с тобой свести! – фыркнув, Коваль посадила Егора на кровать. – Посиди, котенок, я переоденусь. Так что?

– Ну да, назначил, – призналась Ветка. – Пригласил в ресторан.

– Подозреваю, в какой именно! На скидки не рассчитывайте, взяли моду! Я так разорюсь на фиг!

Ветка захохотала:

– Не бойся, твой «Шар» не пострадает, мы идем в другое место! Ты же знаешь, я терпеть этих твоих выпендючек не могу, Коваль!

– Мне полегчало! – сообщила Марина из гардеробной, меняя костюм на домашние джинсы и майку.

– Слушай, а чего это Хохол на тебя во дворе орал?

– Сбрендил совсем, придурок! Погоняла на джипе немного, так он чуть по швам не лопнул! – она вышла, надев мягкие тапочки – ноги ныли от непривычно высокой шпильки, хотелось чего-то уютного. – Вошел в роль отца семейства на все сто, теперь только успеваю уворачиваться. Да, мой сладкий? – Марина подхватила на руки мальчика, сосредоточенно вертевшего в ручках ее сотовый. – Совсем наш папка спятил, за руль маму не пускает, охране хвосты накрутил так, что теперь костыми лягут, а меня только на заднем возить будут. Пойдемте ужинать, а? Есть хочу – аж в голове шумит.

– Я поеду, Маринка, – заторопилась Ветка, снимая халатик и набрасывая на себя какое-то необыкновенное платье из тонкой шерсти ярко-бирюзового цвета. – Мне ж еще собраться надо, волосы уложить, то-се...

– Ага, и про «то-се» не забудь, а то вдруг разочаруешь «смотрящего», а он мне потом голову отвернет! – насмешливо поддела Коваль. – Чтоб все в ажуре было!

– Отвали, дорогая, ревнуешь, что ли? – не осталась в долгу противная Виолка, показав язык и выскочив из спальни. – Я тебе позвоню потом! – раздалось уже с лестницы.

– Вали-вали, – пробормотала Марина, спускаясь следом за ней.

Они с Егоркой проводили Ветку до двери и отправились в кухню, где колдовала Даша.

– Ой, Марина Викторовна, у меня не все еще готово, – виновато сказала та, помешивая что-то в кастрюле. – Закрутилась с этой девочкой новой, пока все показала, рассказала, объяснила!

– А она приехала все-таки? – усевшись за барную стойку и отобрав у Егора мгновенно схваченное яблоко, спросила Марина.

– Что она, дурочка, от такого места отказаться?

– Молодая?

– Нет, не очень – лет за тридцать.

– Спасибо, Дашенька!

– Ой, Марина Викторовна, а вы все про свои годы переживаете! – засмеялась она. – Во-первых, вам тридцать четыре всего, во-вторых, на них вы никогда не выглядели, а в-третьих, все неизбежно состаримся, вот что!

Они посмеялись, Даша продолжила готовить ужин, а Марина рассеянно наблюдала за тем, как Егорка рвет на мелкие кусочки попавшую ему в руки бумажную салфетку. Сзади раздались шаги, в кухню вошел Женька, поздоровался с Дашей и потянулся к Егорке, но Коваль отвернулась, не дав даже прикоснуться к мальчику.

– Так! Обиделась? – Он развернул ее к себе, заглядывая в глаза, но Марина опустила их, уткнувшись лицом в Егоркину макушку. – Seriously, что ли?

– Отстань от меня, я же тебе сказала!

– Котенок, перестань! – попросил Женька, садясь на корточки и глядя на нее снизу вверх. – Я просто испугался – на такой скорости гоняешь, аж жутко! Егор, скажи маме, чтоб не злилась, – попросил он, взяв Егорку за ручку. – Смотри, он сейчас заплачет!

– Не заплачет.

– Нет, скажи, сынок, заплачет, и я заплачу тоже! Заревем Дарье всю кухню, пусть плавает, раз нас мама не любит, – продолжал дурачиться Хохол, и Марина не выдержала, фыркнула. – Вот, уже лучше! Ну-ка, теперь поцелуй папу... – Он встал на колени и дотянулся до ее губ. – Не сердись больше?

– Толку-то на дурака сердиться! Егор, не надо! – это относилось к сыну, пытавшемуся затащить в рот подвеску, висевшую на цепочке. – Что ж ты в рот-то все тянешь, хулиган?

Он поднял голову, хитро глядя матери в лицо, но подвеску выпустил.

– Зубки у него по бокам режутся, Марина Викторовна, – заметила Даша, накрывая на стол. – Сегодня Виолу Викторовну так за плечо укусил, она аж подпрыгнула!

– Вот-вот! Это точно твой сын, Коваль, – ты ж тоже все время за плечо зубами рвешь! – прошептал ей на ухо Хохол, незаметно для Даши сжав зубами мочку, и Марина вздрогнула. – Я соскучился по тебе, котенок, с ума сойду до ночи...

– Сходить, к счастью, не с чего, так что я не волнуюсь! – пошутила она, поцеловав его в лоб.

– Готово, Марина Викторовна, можете садиться, – позвала Даша, подвигая к столу высокий Егоркин стульчик. – Вот твоя большая ложка, вот твоя большая чашка, – приговаривала она, подавая Егорке ложку и специальную тарелку на присоске, чтобы не соскальзывала со стола.

Все эти штучки и приспособления отыскивал где-то Женька, считавший, что у сына должно быть все только самое лучшее и удобное. Марина не мешала, хотя Ветка часто говорила, что зря они приучают ребенка к роскоши с таких лет.

– Знаешь, я не боюсь его разбаловать – у меня достаточно средств, чтобы он жил так, как привыкнет, до конца своей жизни.

– Все равно зря! – не соглашалась подруга, хотя и сама не прочь была побаловать Егорку то новой машинкой, то мягкой игрушкой.

– Ветка, его отец оставил такую кучу денег, что хватит еще и внукам, так что пусть.

Наблюдая за тем, как сын возит ложкой по тарелке, Коваль чувствовала себя самой счастливой. Оказывается, никакая операция не в состоянии убить материнский инстинкт, он просыпается как-то сам по себе, не подчиняясь ни рассудку, ни обстоятельствам жизни. Вот сидит ребенок, появление которого не входило в ее планы, а она уже не может представить себе, что его могло и не быть, если бы не слепой случай, не судьба, вмешавшаяся в их жизнь. Егорка повернул к Марине измазанную кашей мордочку, и она не удержалась от смеха:

– Жень, смотри!

Но Егорка почему-то вдруг обиделся и, надув губы, разразился ревом на весь дом. Хохол покачал головой, взял полотенце и вытер ему личико:

– Не реви, ты ж мужик! Подумаешь, мама смеется! Давай я тебе помогу.

Но Егор брякнул по столу зажатой в кулак ложкой:

– Сам!

– Ну сам, так сам, – согласился Хохол, поправляя на нем нагрудник. – Никогда не смейся над ним, котенок, – тихо сказал он, обращаясь к Марине. – Ты же видишь, он копия Малыш, и характер у него такой же.

– Скажите пожалуйста! – пробормотала она. – От горшка два вершка, а уже с характером!

– А что ты хотела? Вспомни, кто его отец.

– Ты его отец, и хватит об этом! – отрезала Коваль, не желая погружаться в тягостные и болезненные воспоминания о погибшем муже. – Можно поужинать спокойно?

– Можно. Но ты плохо ешь, не нравится?

– Я устала, – она бросила на стол палочки, которыми ела рис с креветками, и пошла к себе, оставив Хохла с Егоркой заканчивать ужин.

Приняв душ и облачившись в ночную рубашку, Марина забралась в постель, на самом деле почувствовав себя больной и разбитой. Взяв в руки книгу Сайгё, без которого теперь почти не засыпала, она стала рассеянно перелистывать страницы, но ничего подходящего к случаю не нашла, закрыла глаза, отложив книжку в сторону. Дверь едва слышно открылась, вошел Женька, присел на край кровати, положил руку ей на лоб, но Марина стряхнула ее.

– Где Егор?

– С Севкой мультики смотрит. Ты лежи, лежи.

– Его купать нужно.

– Я сам, ты не переживай, я его и уложу, и сказку прочитаю.

– Могу представить! – с сарказмом откликнулась Коваль. – После твоего чтения он всю ночь спать не будет.

– Да ладно тебе! – улыбнулся Женька, пристраиваясь на кровати рядом с ней и обнимая. – Что с тобой, котенок?

– А что там за история с Егоркиным днем рождения?

– Ой, не рамси, котенок, давай до завтра отложим, – попросил он, морщась. – Мне Барон позвонил уже, рассказал, что ты гневаться изволила. Не хочешь – устроим все дома, посидим семьей, шарики там, фонарики и все прочее. Я погорячился, хотел праздник устроить, но раз ты против...

– Я не против, но, Жень, ты ведь понимаешь, что не стоит афишировать, что теперь у нас есть сын, это опасно, Жень! Мало ли что и кому взбредет в голову! Я не хочу, чтобы с ним что-то случилось, не хочу подвергать его риску!

– Все-все, успокойся, не шуми, – попросил Хохол, поглаживая ее по голове. – Я не подумал. Хочешь, я тебе чаю сделаю?

– Не надо. Егора пора укладывать. – Марина попробовала встать, но Хохол не дал.

– Я сам уложу. Тебе телевизор включить?

– Кассету принеси какую-нибудь.

Он принес ее любимого «Крестного отца» с Марлоном Брандо в главной роли. Марина смотрела на экран, и из глаз сами собой текли слезы. Брандо чем-то неуловимо напоминал ей Егора, ее любимого Малыша...

Она отчетливо помнила его лицо до того, как он сделал пластическую операцию, его яркие синие глаза, его улыбку. Память причиняла невыносимые страдания, хотя прошло уже какое-то время и она не осталась одна – рядом всегда был Женька, а теперь еще и маленький Егорка. Но как можно забыть то, что связывало ее с Малышом? То, как он любил ее и был готов на любые жертвы, на любые безумства, только бы она оставалась с ним? Сколько раз он подставлял свою голову, пытаясь оградить Марину от неприятностей, рисковал деньгами и жизнью... И сколько он прощал ей...

– Мама, мы пришли сказать «Спокойной ночи», – виновато произнес Хохол, появляясь из двери, ведущей из спальни в детскую, с наряженным в пижамку Егоркой на руках.

– Мама! – вторил ему и сын, потянувшись к ней ручонками.

– Ни в какую – к маме, и все! Я ему говорю, мол, пусть отдыхает мамочка, пусть спит, а он орет и не ложится.

Марина взяла Егорку на руки, покачала его немного, прижав к груди. Он привык засыпать, положив ручку ей на грудь. Заметив, что мальчик клует носом, Марина попыталась передать его Женьке, но Егорка сразу же вцепился в ее рубашку:

– Нет!

– Все-все, нет, конечно, – согласилась она, снова прижимая его к себе. – Конечно, нет, мой родной, я тебя никому не отдам.

Только через полчаса он наконец-то уснул, и Коваль осторожно унесла его в детскую, уложила в кроватку и прикрыла одеяльцем.

Вернувшись в спальню, забралась под одеяло и закуталась, стуча зубами. Женька пощупал лоб:

– Ты не заболела?

– Нет, просто холодно что-то...

– Я ж тебе подарок приготовил, совсем забыл!

Он ушел куда-то, вернувшись с большим пакетом, из которого вывернул на постель черную норковую шубу. Марина улыбнулась:

– Ты с ума сошел!

– Не нравится?

– Я же говорю – с ума сошел! Такая красотища... погоди-ка... – Она встала с постели и надела шубу – та оказалась в пол, прямая и с капюшоном, как Марина и любила. – Женька... обалдеть, какая вещь! – искренне сказала она, разглядывая себя в зеркале.

– Носи на здоровье, – улыбнулся довольный Хохол, любуясь ею.

Коваль повернулась к нему и увидела, как блестят его глаза, как он смотрит на нее... Опустившись на кровать прямо в шубе, она поцеловала его в губы, взяв в ладони лицо:

– Мне уже неловко, ей-богу! Ты меня совсем разбаловал.

– Мало. Мало я тебя балую, котенок мой. Чем я могу удивить такую женщину, как ты?

– Женечка, мне ничего не нужно. Я люблю тебя не за то, что ты делаешь мне какие-то подарки, а за то, что ты просто мой. Теперь зиму хочу – надо обновить, – пошутила Марина, погладив мех рукой.

– Ничего, котенок, скоро снег выпадет – обновить.

Коваль бережно сняла обновку, повесила ее на вешалку и убрала в гардеробную.

Она легко относилась к подаркам, не замечала их стоимости. А Хохол постоянно испытывал дискомфорт: не всегда он мог подарить любимой женщине то, что хотел и считал нужным.

Через неделю, как раз накануне Егоркиного дня рождения, в офис без предупреждения посреди дня ворвался Хохол. Он без объяснений вытащил Марину из-за стола и подтолкнул к вешалке с одеждой.

– Что происходит? – недоумевала Коваль.

– Не волнуйся, все в порядке. Просто приехала-таки наша долгожданная Лида! – Женька подал куртку, натянул Марине по самые брови черную вязаную шапочку и замотал шею шарфом. – Вот так.

– Что Лида? – поинтересовалась Коваль, уже сидя в машине.

– Ты знаешь, нормальная баба, простая такая, сразу со всеми перезнакомилась, освоилась, и Егор к ней пошел без вопросов, даже со мной не поехал.

Марина почувствовала легкий укол ревности – ее мальчик не поехал встречать маму, предпочел остаться с почти незнакомой теткой... А Хохол, словно не замечая ее состояния, продолжал:

– И теперь у нас с тобой есть время, чтобы заехать в «Шар» и посидеть там вдвоем, хочешь?

– Не знаю.

– Ну что опять? – развернув ее лицом к себе, поинтересовался он.

– Женька... я так хотела эту няню, а теперь, когда она появилась... ведь она будет проводить с Егором все время, и мне уже не будет места рядом с ним, он отвыкнет...

– Господи, да тебе самой еще няня нужна! – вздохнул Женька, целуя ее в нос. – Как он может от тебя отвыкнуть, когда ты – его мать?

Возле ресторана было на удивление пусто, хотя время обеденное, обычно яблоку негде упасть. В зале за столиками сидело человек десять, не больше, и Коваль недовольно оглядела это безобразие, спросив у бессменного мэтра Кириллыча:

– Что так-то? Народу надоело?

– Да бог с вами, Марина Викторовна! – замахал руками тот. – Просто я, зная, что вы приедете, никого не пускаю, а выгонять тех, кто уже пришел, не в правилах заведения.

– А-а! Тогда понятно. И чем сегодня меня удивит повар? – привычным жестом протягивая Хохлу ногу на входе в татами-рум, поинтересовалась она.

– А что придумаете, то и подадим! – улыбнулся он.

Марина секунду подумала, а потом быстро произнесла несколько слов по-японски. Мэтр кивнул, сделал какие-то пометки в блокнотике и вышел, а Хохол улыбнулся:

– Ну ты даешь, котенок! Как на родном!

– Да я-то ладно, только кулинарию и знаю, а вот Череп, тот мог стихи по-японски часами рассказывать. – Коваль чуть задумалась. – Знаешь, мы с ним иногда на матрасе в бассейне лежали, и он мне в любви объяснялся... Так странно, вроде понимаешь, про что говорит, но язык-то чужой, а слова чудные какие-то...

– А Малыш?

– А что Малыш? Ему и говорить ничего не надо было, просто в комнату войдет – и все, я готова. И иногда страшно делалось – разве можно ТАК понимать друг друга, чтоб без слов совсем? – Марина села очень прямо, вытянув ноющий позвоночник, и Хохол вдруг сказал:

– Ты так вписываешься в это место, Коваль, словно специально для него и родилась.

– Никогда не думала об этом, если честно. Мне просто нравится здесь, я столько вложила в этот ресторан, что теперь даже не представляю, как можно без него жить.

Официантка принесла заказ, и они принялись за еду. Марина жмурилась от удовольствия, наслаждаясь тонким вкусом блюд, а Женька поглядывал на нее с легкой улыбкой:

– Ну что, кайф?

– Не то слово!

Марине вдруг страшно захотелось Женькиных поцелуев, объятий, его придурей... Он, видимо, тоже это почувствовал, отложил хаси и провел по ее губам пальцем:

– Что, котенок, продолжения хочешь?

– Хочу...

– Здесь?

– А что? Разве не за этим ты предупредил мэтра о приезде? Я ведь знаю, что ты задумал...

– Котенок... ты сумасшедшая... девочка моя...

«Беспредел полный, не ресторан, а дом свиданий! Но черт с ним, пусть».

Хохол отлично помнил, как она уединялась в татами-рум с Егором и в день его рождения, и в свой собственный, а он, верный телохранитель, только с тоской смотрел на раздвижную дверь, не смея ворваться и отнять свою любимую у ее мужа. Права не имел. А теперь все его, делай, что хочешь. Вот он и гасит ее на столе в татами-рум ее же ресторана, сбросив на пол посуду и даже не удосужившись снять джинсы, вот так ему захотелось, видите ли... Хорошо, что нет никого, а то ментов бы вызвали – к бабке не ходи, такие звуки несутся из-за плотно задвинутой двери, что сразу ясно становится – не суши ребята едят...

Оторвавшись от Марины, удовлетворенный Хохол рухнул на диван и простонал:

– Обалдеть... Давно уже такого не было...

– Я тебе больше скажу – вообще никогда! – засмеялась она, вставая со стола и подбирая свои вещи, разбросанные по всей татами-рум. – Ты меня совсем опустил, как вокзальную девку, в ресторане прямо гасишь... В следующий раз хоть заплати, что ли.

– Ты обиделась? – расстроился Женька, и она, засмеявшись, села к нему на колени, обняв за шею:

– Дурачок, разве я могу на тебя обижаться? Мне с тобой хорошо, ты же знаешь. И сегодня все было отлично.

– Правда? – Его теплые руки лежали на ее талии, и Марина чувствовала, как они слегка подрагивают.

– Разве я тебя когда-нибудь обманывала?

– Поедем домой, котенок, хочу с тобой в сауну, помнишь, как у нас там бывало? Ты такая теплая, нежная, я даже думать об этом не могу спокойно... как ты лежишь рядом со мной, а я тебя трогаю...

– Родной, все, что захочешь... – пообещала она, коснувшись губами его щеки.

Дома ждал неприятный сюрприз – явилась Ветка, сидела в каминной с чашкой кофе и сигаркой, пускала дым колечками. Марина испытала легкое раздражение и досаду – ее появление слегка нарушило их с Женькой планы на остаток вечера.

– Ты чего явилась? – не особенно любезно поинтересовалась Коваль, развязывая пояс куртки.

– В гости. Что – нельзя? – с вызовом ответила ведьма, затягиваясь сигарным дымом. – Навязываюсь?

– Навязываешься, – согласно кивнула Марина, садясь в кресло и вытягивая ноги. – Женечка, будь добр, сапожки сними! – Хохол вырос как из-под земли, опустился на колени, игнорируя Веткино присутствие, стянул сапоги, выкинув их в коридор.

– Устали ноги? – заботливо спросил он, разминая пальцами правую ступню.

– Я вам не очень мешаю? – насмешливо осведомилась Ветка, глядя на их упражнения.

– Очень, – подтвердил Женька, не оборачиваясь. – Но не выкидывать же тебя на ночь глядя!

– Я не претендую! – фыркнула она. – Приехала к подруге поговорить, но ей не до меня – кобель слюной исходит!

– Так, за базаром следи, лярва! – вмиг вскипел Хохол, но Ветка никогда его не боялась, поэтому усмехнулась и спросила:

– Что, в точку попала? А ты молодец, Хохол, не потерялся по жизни! Пригрелся возле Коваль, теперь почти хозяин в этом доме, важный стал! Будто никогда на побегушках у Строгача не был!

– Ветка! Сдурела, на хрен?! – рявкнула Марина, схватив вскинувшегося Женьку за руку. – Что за бред?!

– Бред, говоришь? А ты взгляни со стороны на себя и на него! – посоветовала нимало не смущенная Веточка. – Полгорода ухохатывается, на вашу семейку глядя!

– И что? Мне должно быть до этого дело?

– Должно! Ты слишком заметная персона, чтобы так себя вести!

– И что теперь? – спокойно спросила Коваль.

Ветка недоуменно посмотрела на нее, перевела взгляд на руку, пальцы которой побелели, стискивая Женькино запястье, узрела новое кольцо и моментально сменила тему:

– Ой, какое колечко! Когда купила?

– Женька подарил, а что?

– Ух ты, какой богатый стал! Платина, бриллианты! Дела идут, Хохол?

– Ты чего догреблась до меня сегодня? Не получала давно? – мрачно спросил он, поглотив Маринину руку. – Так честно признайся, мы все исправим.

– Как ты его терпишь, Коваль? – закатила глаза подруга, откинувшись на спинку кресла. – Ведь хам трамвайный!

– Так, все! Я устала от тебя, Ветка, говори, зачем явилась, и сваливай, я еще сына не видела, а у него день рождения завтра, между прочим. – Марина решительно поднялась с кресла, и Ветка вслед за ней тоже пошла к двери каминной.

– Я приехала просто так. Ты привыкла, что всем от тебя что-то нужно, Маринка, уже и подумать не можешь о том, что к тебе единственная подруга может прийти без дела. Пока, дорогая!

– Пстой! – Коваль перехватила ее за руку. – Ты обиделась? Прости меня, просто Женька хотел провести этот вечер со мной. Егорке наконец-то нашли няню, поэтому все так... У тебя действительно ничего важного?

– Хотела с тобой про Беса пообщаться, но ладно, в другой раз.

– Тогда до завтра? Ты ведь приедешь?

– Не стыдно спрашивать? – укоризненно покачала головой подруга. – Разве я могу не приехать поздравить своего любимого мужчину?

Они засмеялись, обнялись, и Ветка исчезла за дверью. Марина побрела наверх, в детскую, откуда доносился смех Егорки. «Надо же, я почти час дома, а он даже не вышел ко мне! Что же там за Мэри Поппинс?»

Посреди детской на полу возился с железной дорогой сын, а рядом сидела невысокая худощавая женщина с каштановыми волосами до плеч, одетая в строгие серые брюки и простую голубую водолазку. Они одновременно обернулись на звук открывшейся двери, и Егорка проворно пополз на четвереньках к Марине:

– Мама!

Она присела на корточки, подхватила его на руки:

– Привет, мой родной! Я так соскучилась по тебе, Егорушка!

Он тыкался мордочкой ей в шею, ручками вытащил шпильки из узла волос, распустив их по спине.

– Мама! – Это он тоже подсмотрел у Женьки, Хохол всегда распускал ей волосы, едва только Марина возвращалась домой.

– Ну все сделал? – улыбнулась она, забирая у него шпильки. – Так лучше?

– Да!

– Отлично. А теперь дай-ка мне познакомиться с твоей няней, Егорка, – Коваль повернулась к вставшей с пола женщине: – Вы, насколько я понимаю, Лидия, сестра Гены?

– Да, Марина Викторовна. Здравствуйте.

– Как ваше отчество?

– Не нужно, просто Лида.

– Мне неудобно – я моложе вас, а вы зовете меня полным именем.

– Ну и что? – пожала она плечами, убирая выбившуюся прядь волос за ухо. – Мне совершенно все равно, а Егору и вам удобнее будет звать меня просто по имени.

– Как хотите. Я вижу, вы уже присмотрелись немного к моему мальчику...

– Да, очень доброжелательный ребенок, только сразу идет к чужим на руки, это плохо.

Вот этого Марина и сама всегда боялась – Егорка абсолютно лишен осторожности и недоверия.

– А с этим можно как-то справиться?

– Попробовать можно, конечно, – с сомнением сказала Лида. – А вообще... хороший парень, спокойный.

– Да ладно! – засмеялась Марина, ущипнув Егорку за щеку. – Это он просто не в духе, да, сынок? Обычно мы такие заводные – куда там волчку! Ну что, на сегодня вы свободны, Лида, я устала и хочу прилечь, а Егорку мы потом с Евгением Петровичем сами уложим, это традиция такая. Завтра у молодого человека именины, а послезавтра мы с вами обговорим все условия, зарплату, жилье, хорошо?

– Это не срочно, Марина Викторовна. Деньги у меня пока есть, жить буду у Генки, – начала она, но Коваль перебила нетерпеливо:

– Лида, правило номер один в этом доме – тут работают и тут же живут, уезжая только на выходные. В коттедже охраны свободны три комнаты, выбирайте любую, Даша покажет.

– Как скажете. – Она вышла из детской, помахав Егорке рукой.

– Ну что, приятель, – обратилась Марина к сидящему на руках сыну. – Идем на кухню, там папа ждет.

Они поужинали вместе, и Марина все время ловила на себе странные взгляды Хохла. Потом она возилась с Егоркой, купала его, читала на ночь книжку до тех пор, пока он не уснул в своей кроватке, сунув под щеку кулачок. Коваль погладила его по голове, примостила рядом его любимого медвежонка и тихонько вышла из детской.

Хохол лежал в спальне на кровати, смотрел новости.

– Жень... – Марина села рядом, положив руку на его расписанную татуировками и шрамами грудь. – Ну что с тобой?

– Ничего, котенок, не бери в голову, – он погладил ее руку, но даже головы не повернул.

– Если ты о том, что тут Ветка намолотила, так выбрось из головы – мне безразлично...

– Ты ошибаешься, котенок, – мягко перебил он. – Ветка права – кто я по сравнению с тобой? Уголовное быдло, портящее тебе жизнь...

Марина ударила его по щеке со всей силы, даже ладонь заныла, Женька дернул головой, но промолчал, только смотрел на нее собачьими глазами.

– Никогда, слышишь, никогда больше не смей говорить этого! У меня никого нет ближе, чем ты и Егорка, слышишь? Ты не себя, ты меня обижаешь этими словами! – зашипела она ему в лицо.

– Прости, я испортил тебе вечер...

– Родной мой, никого не слушай, я ведь люблю тебя... – прошептала Коваль, положив голову ему на плечо. – Ведь ты знаешь это, да?

– Да, котенок, знаю, – его руки обняли ее, прижали к широкой груди. – Я хотел тебе сегодня праздник устроить, а видишь, что вышло...

– А что? – Марина закинула руки ему на шею. – По-моему, все очень даже замечательно – Егорка спит, мы с тобой кайфуем, никто не мешает... Погладь меня еще, знаешь ведь, как я это люблю...

У нее было ощущение, что Женька старается вытеснить из ее головы Веткины слова, но их там и так уже не было – Марина прекрасно понимала, что все это ревнивый бред ее дорогой подружки. С Егором-то тягаться она боялась, а вот Хохла подкусывала регулярно, не понимая, что, если бы Коваль не удерживала взрывного Женьку, он уже давно открутил бы ей голову.

...С утра Марина с Хохлом на цыпочках вошли в детскую и остановились у кроватки, в которой мирно посапывал розовый спящий Егорка. Вскинутые вверх ручки были сжаты в кулачки, он чему-то улыбался, и личико было просто ангельским. Правда, проснувшись, ангелочек мгновенно превращался в чертика, но это позже, а пока у Марины даже сердце защемило.

– Жень, смотри... улыбается... – прошептала она, коснувшись руки Хохла.

– Снится что-то, будить жалко.

Но Егорка уже проснулся сам, открыл глаза и сел, зацепившись руками за борт кровати. Марина вытащила его и поцеловала, прижав к себе:

– С днем рождения, котенок!

Хохол подхватил их на руки, и Егорка завизжал от восторга. Так, в охапке, Женька и снес обоих на первый этаж, где в гостиной был приготовлен подарок. Марина тоже видела его впервые, Женька занимался этим сам, пока она отлеживалась в больнице, – посреди комнаты красовался маленький джип, точная копия Марининого «Хаммера». Поставив Марину на пол, Хохол забрал Егорку и усадил в машину:

– Вот так! Твоя мама не признает ничего другого, а ты все же сын Коваль, так что держи фасон.

– Где ты взял этого монстрика? – поинтересовалась Марина, разглядывая крошечный джип, за рулем которого восседал сын.

– Пацаны из Германии привезли, только пару дней назад Комбар вернулся.

– Специально заказывал? – удивленно спросила она, глядя на огромного Хохла снизу вверх, и он улыбнулся:

– Ну да. «Ауди» у него уже есть, так пусть и «Хаммер» будет.

Украдкой от увлекшегося Егорки он поцеловал Марину, подняв за подбородок голову, но ребенок заметил его маневры:

– Нет! Моя мама!

– Ух, чертенок глазастый! – захохотал Женька, вытащив его из машины и подкинув вверх. – Твоя, говоришь? Нет, дорогой, она и моя тоже, моя любимая, вот так!

Егорка, однако, был другого мнения, надул губы и замахал кулачками:

– Нет, моя! Моя!

Хохол со смехом уворачивался от него, а Егор разошелся не на шутку, и Марина решительно вмешалась:

– Прекрати! Ты зачем папу обижаешь? Я тебя накажу, Егор!

– Нет!

– Что значит – нет? Я сказала – прекрати!

– Не ругай его, котенок, он же маленький! – вступился Хохол. – Он ведь не понимает.

– Все он понимает, глянь только на эту хитрую мордашу! – Она ущипнула Егорку за щеку, и он тут же спрятал личико на груди у Женьки, вцепившись руками в черную рубашку. – Ага, как припекло, так к папе!

Но что-то нашло на мальчика, и вдруг он решил поспорить с Женькой за права на мать, хотя обычно ни на шаг не отходил от Хохла, гонялся за ним так, что Марине бывало даже обидно. Но вот сегодня он решил почему-то, что хочет быть только с ней, причем один на один, и орал дурным голосом, едва только кто-то приближался к ним.

– Вот приклеился! – смеялась Даша. – То от Женьки не отходит, а то Марину Викторовну оседлал – не оторвешь!

А Егорка сидел у Марины на руках за столом, прижавшись, как мышонок, сверкал хитрыми глазенками по сторонам и только успевал открывать рот навстречу ложке с кашей. Коваль посмеивалась, целуя его в макушку, но на душе скребли кошки – Малыш не дожил до того дня, когда смог бы увидеть ее с ребенком на руках. С его ребенком. Марина знала, втайне он очень хотел, чтобы у них был сын, но знал, что это несбыточная мечта, и потому почти не разговаривал с женой на эту тему. И теперь вот она сидит в его доме, в его кухне, и на руках у нее его сын. И мальчик радостно пачкает ее шелковый халат овсянкой, а самого Малыша уже нет и никогда не будет...

Женька, неплохо изучивший Марину за эти годы, моментально заметил перемену в настроении и даже причину понял:

– Котенок, родной, не надо. Не травми себя.

– Все, Женя, все, не буду. – Она вытерла глаза салфеткой и посмотрела на Хохла. – Видишь, я уже не плачу...

Женька подошел к ней и обнял вместе с Егоркой, который тут же завопил недовольно. Словом, парень никак не желал делить Марину даже с ним.

– Хватит киснуть, идите наряжаться! – велел Хохол, поднимая их со стула. – У нас праздник или что?

День рождения прошел очень удачно, приехали Ветка и Колька, позвонил из Москвы отец, ужасно довольный тем фактом, что он снова дед, звал к себе на новогодние праздники,

и Марина обещала подумать. Все было очень весело, даже охрана обрядилась в ушки на пружинках, доведя хозяйку до икоты, настолько комично выглядели немалой комплекции ребята в детских масках.

– Твоя идея? – корчась от смеха, спросила она у Женьки, но тот и сам был удивлен не меньше.

– Нет.

– Да ладно!

– Котенок, зуб даю – не я!

– Это Сева! – тут же сдал начальника Данила, и Марина закатилась еще громче, повернувшись к Севе, у которого еще и красный поролоновый нос был прицеплен.

– Сева... кошмар!

– Зато весело! – безапелляционно заявил он, улыбаясь и демонстрируя вставные клыки.

Короче говоря, праздник удался, Егорка умотался так, что уснул сразу, едва его головка коснулась подушки. Марина с Женькой пошли в каминную, сели у огня, достали бутылку «Хачиеды».

– Что, котенок, все ушли, давай с тобой отметим? – предложил Женька, и она согласилась:

– Давай.

– Вот оно, котенок – семья. Ты и сын – что еще надо?

Глаза Хохла влажно блеснули, и он спешно отвернулся, чтобы не показать Марине: безбашенный Жека тоже может иметь внутри нечто человеческое.

– ...Что-то вы бледная, Марина Викторовна, – заметила за завтраком Даша, подавая кофе. – Не выспались?

Хохол фыркнул, а Марина томно прикрыла глаза:

– И не говори, Дашенька! Пойду прилягу, пожалуй.

Она и в самом деле легла в спальне, растянувшись на кровати с контрактом господина главного тренера, срок работы которого истекал через неделю. Нужно было придумать что-то, чтобы удержать его здесь, продолжить работу с командой, которую ему удалось вывести на седьмое место с последнего.

Пока Марина вчитывалась в строчки контракта, пытаясь найти хоть какую-то зацепку, вошел Женька, молча закрыл на ключ дверь, игнорируя ее удивленный взгляд, и забрал бумаги.

– В чем дело? – недовольно поинтересовалась она, глядя снизу вверх.

Хохол вздохнул, сел рядом на кровать и взял Марину за руку.

– Знаешь... Мне иногда кажется, что я вообще тебе не нужен.

– К чему сейчас ты затеял этот разговор? – разозлилась она, садясь и внимательно глядя на него. – Устал спокойно жить? Встряски захотелось?

– При чем здесь это? Просто ты ведешь себя так, словно между нами нет ничего, словно для тебя нет разницы между мной и тем же Севой, например.

– А ты хочешь, чтобы я орала на каждом углу – смотрите, люди, я сплю с Жекой Хохлом? Давай фотографии в газетку подарим, пусть все знают.

– Я же не о том...

– А о чем тогда? Я подозреваю, к чему весь этот цирк – опять будешь замуж звать? – Марина встала и взяла сигарету, закурила, отвернувшись к окну.

– И буду, – согласился Хохол, садясь в постели. – А чего, собственно, ты так упираешься?

– Объяснить для тех, кто на броне?

– Ну объясни мне, тупому уголовнику, – насмешливо отозвался он, щелкая зажигалкой.

– Женя, – Коваль повернулась к нему, взглянув прямо в глаза, – Женя, не корчи из себя идиота, ты ведь прекрасно знаешь, почему я отказываюсь. Неужели тебе доставляет удовольствие мучить меня этим вопросом снова и снова?

– Я не могу понять, долго ли еще ты будешь хранить верность мертвому Малышу? Пока он был жив, у тебя не было такого понятия – верность, ты помнишь, Коваль? – прищурился Хохол, затягиваясь сигаретой. – Ты была и с ним, и со мной, а может, и еще с кем. А теперь вдруг на тебя напало...

– А может, поэтому и напало, а, Женечка? Потому, что раньше всякое бывало? Может, я жалею, что была с тобой, пока Егор был жив?

– Ну да, совесть мучает!

– Это что – смешно?

– Нет, дорогая, это печально. Ништяк ты меня сейчас опустила – на место, псина, как сказал бы покойный Строгач, – грустно улыбнулся Женька, вставая с постели. – Ну прости, если что не так сказал. Знаешь, Коваль, я устал от тебя. Люблю до одури, а устал, словно пять вагонов разгрузил.

С этими словами он вышел из комнаты, оставив Марину одну.

Она сначала разозлилась так, что искры из глаз полетели, а потом решила – пусть поведывается, защемило мужское достоинство! Сам же и приползет на брюхе, в первый раз, что ли?

Марина приняла душ и снова легла, углубившись в изучение контракта, от которого ее так бесцеремонно оторвал Женька. Зацепок не было никаких, значит, придется встречаться с Младичем лично и выслушивать его требования, ничего не поделаешь. Она позвонила племяннику и попросила организовать встречу с главным тренером завтра вечером.

– Тебе отец звонил? – спросил Колька, и Марина не сразу поняла.

– Чей?

– Ну чей-чей, мой, разумеется!

– Нет, а был должен?

– Был, – вздохнул Колька. – Новость хочешь?

– Ну?

– Разводятся предки мои, вот тебе и «ну»!

Марина растерянно отвела от уха трубку, словно не веря, что из нее донеслась такая нелепость и странная весть, потом переспросила:

– Как разводятся?

– Мариш, ну ты маленькая, что ли? Официально разводятся, то есть перестают быть мужем и женой.

– погоди, Коля, я плохо соображаю. – Она села, нашарила сигареты. – Давай подробно.

– Подробно я и сам еще не знаю, отец позвонил, говорит, все, мол, Колян, ты уже парень взрослый, самостоятельный, а мы с мамой решили разойтись. Ну и погнал про то, что меня от этого меньше любить никто не станет, что быть родителями они не перестают и все такое в том же роде. Прикинь, тетка, какая тема?

– Да-а! – протянула Марина, ошарашенная новостью. – А мне-то он почему должен звонить?

– Ну как? Ты ж ведь сестра, вдруг чего посоветуешь!

– Ага, нашел советчицу по вопросам семьи и брака! – фыркнула она. – От меня вон Хохол свалил час назад, тоже развод и девичья фамилия!

– А чего это Петрович взбрыкнул? – удивился Колька.

– Вот знала б прикуп, не страдала бы! Ладно, если хочешь, приезжай ко мне вечером, посидим, подумаем.

– Ночевать оставишь?

– Блинчиков на завтрак захотелось? – поддела Коваль, зная его любовь к Дашиным блинам с вареньем.

– Что тебе, блинов жалко? – засмеялся он.

– Конечно, нет, дорогой ты мой! Приезжай.

– Тогда до вечера?

– Да. И Младича разыщи, не забудь. Хочу пообщаться на тему, как жить дальше.

– Придумала что-то? – заинтересованно спросил Колька, и Марина только вздохнула:

– Пока не знаю. Крутится что-то в голове, а оформиться в здравую мысль никак не может.

Но вдруг...

– А-а! Молодец ты, тетка, вечно изобретешь что-нибудь. Ну давай, до вечера тогда.

«Легко ему говорить – изобретешь! – подумала она, выключая телефон. – А мне бы вот знать, что именно и как изобрести... Чем я могу заинтересовать искушенного москвича, чтобы он остался в нашей дыре и работал на всю катушку? Денег у него, видимо, и так нормально, раз он не настаивал на повышении зарплаты, квартира здесь ему тоже вряд ли нужна, не жить же ему в нашем городе, не Москва все-таки. Черт... И посоветоваться абсолютно не с кем, никому не нужен этот гребаный футбол в этом гребаном регионе... Мэру, что ли, звякнуть, помнится, он заикался о каком-то попечительском совете, который якобы создал мой покойный супруг и его корпорация».

Стоп! Корпорация! Корпорация, черт ее возьми! Как же она выпустила это из поля зрения, ведь у нее все права на эту контору после гибели Егора! Ведь Коваль законная жена погибшего владельца, у нее контрольный пакет акций, и она даже знает, где хранятся все бумаги и документ, подтверждающий ее права на наследство. Незадолго до своей гибели Егор оформил свою корпорацию на жену... Все, как в первый раз, только конец у истории был абсолютно другим. Вспомнив об этом, Коваль сразу сообразила, что именно может предложить главному тренеру, и в том, что идея его заинтересует, тоже не сомневалась.

Вечер провели втроем – Марина, Колька и Егорка, которому сумасшедший дядюшка привез огромную мягкую собаку.

– Коля, это же просто монстр какой-то! – смеялась Марина, наблюдая за тем, как сын и племянник возятся на барбосе, затеяв борьбу.

– Зато смотри, какой чудесный коврик получился! – ответил Колька, повалив Егорку на спину и щекоча его под мышками.

– Мама! На, на! – вопил Егорка, имея в виду, что мать должна взять его на руки, и ей пришлось подчиниться.

– Идемте ужинать, мальчики. – С сыном на руках она пошла на кухню, где Даша оставила накрытый стол.

– А где Петрович-то? – спросил Колька, усаживаясь рядом с высоким Егоркиным стулом.

– А черт его знает, не хочу про это, – отозвалась Коваль, повязывая сыну фартук и протягивая ложку. – Ешь сам, Егор, ты ведь большой мальчик.

Колька с любопытством поглядывал в ее сторону, но Марина старалась не подавать виду, что переживает и нервничает по поводу Хохла, сосредоточенно наблюдала за возившим ложкой по тарелке сыном. Племянник пожал плечами и принялся за жаркое из кролика, которое у Даши всегда выходило просто изумительно аппетитным. Коваль потягивала текилу, изредка забрасывая в рот оливку, и молчала, погрузившись в свои мысли. Строптивый Женька решил проучить ее, уехал куда-то и, не исключено, не вернется сегодня ночевать. «Ну можно подумать, я его вдруг приревную к кому-то! Я мужа собственного не ревновала ни к кому, а уж этого-то! Тоже мне, сокровище!» Это она произвольно сказала вслух, и Колька удивленно вскинул глаза от тарелки и переспросил:

– Кто?

– Что? – не поняла Марина.

– Кто сокровище?

– А-а... да так, о своем думаю.

– Не ври ты мне, тетка, – проникновенно произнес племянник, положив свою руку поверх ее. – Я же понимаю, о чем ты, – Петрович где-то шастает, а ты переживаешь.

– Не хватало еще! – запальчиво отозвалась она, выдергивая руку и хватая пачку сигарет. – Я не из тех, кто переживает из-за подобной мелочи!

– Ну-ну, – ехидно высказался Николай, снова углубляясь в содержимое своей тарелки. – И не кури – тут ребенок, между прочим!

– Ты посиди, я его уложу, и поговорим.

Вытащив из стула упирающегося Егорку, Марина под мышкой унесла его в ванную, переоделась в халат и сунула недовольного сына под душ. Под теплыми струйками настроение у мальчика наладилось, он, как и мать, любил воду, мог купаться подолгу, но сегодня она решила вымыть его на скорую руку. Уложив Егора и почитав ему на ночь сказку, Марина чуть сильнее повернула регулятор температуры на батарее, укрыла сына одеялом, поцеловав в макушку, и на цыпочках вышла из детской, притворив дверь.

Колька переместился в каминную, развалился там в кресле с чашкой чая. Коваль уселась напротив, закинув по привычке ноги на решетку камина.

– Ну, давай о делах. Младича нашел мне?

– Да, он согласен встретиться с тобой завтра вечером.

– Ой, спасибо-то ему какое! Снизол до бестолковой в футбольных делах бабы! Вот радость-то! – Она закурила, выпустив облако дыма в потолок.

– Прекрати дурачиться, – поморщился Колька. – Ему вообще до звезды, кто ты и что, он поднял здесь денег и теперь свалит со спокойной душой, а мы опять в творческий поиск...

– А не будет никакого поиска, Коленька, – спокойно сказала Марина, разглядывая тлеющий кончик сигареты. – Никуда этот хрен с горы не денется, вот увидишь.

– Ага! С чего ты это взяла?

– Я тебе говорю – не денется. Есть вещи, от которых не в силах отказаться никто. И Младич тоже не сможет.

– Ты намекаешь, что заставишь его остаться? – нажав на слово «заставишь», переспросил племянник, поставив кружку на столик.

– Зачем так? Нет, не заставлю, просто сделаю ему такое предложение, что у него глаза загорятся от предвкушения. Ты только прикинь, Коля, – город у нас небольшой, и вдруг здесь, на ровном месте, вырастет команда, способная играть в Высшей лиге. Ты отказался бы работать здесь при этом раскладе? – Марина внимательно смотрела на обалдевшего парня, а он не знал, что ответить – то ли рассмеяться, то ли пальцем у виска покрутить. – Что ты молчишь, не веришь?

– Ты что, фамилию сменила? Сестра Стругацкая? Писатель-фантаст? – Колька никак не мог взять в толк, о чем она вообще говорит. – Да эта команда едва-едва зацепилась во Второй лиге, чудом просто, а ты на «вышку» замахиваешься! Это ведь совсем другой уровень, другие вложения, да стадион другой, наконец, база тренировочная! Где ты возьмешь это все за два-три года?

– Построю, – спокойно ответила Марина. – Возьму – и построю.

– Блин, тебе лампочку стряхнули где-то! Как ты построишь, на какие деньги?

– На свои.

– Да если даже ты продашь все, что у тебя есть, включая машины, дома и даже тряпки, тебе все равно не хватит даже на сотую часть!

– Коля, это уже не твоя печаль. Откуда ты знаешь, что есть у меня? Может, я богаче арабских шейхов, а?

– Тетка, ты ведь не всерьез сейчас, признайся! – попросил он. – Прикалываешься?

– Давно уже я так серьезно ни с кем не разговаривала.

– Блин, ни фиги не понимаю! – Колька вцепился в волосы, подергал их, словно проверяя на прочность, и жалобно посмотрел на нее. – Это я такой кретин или ты замутила что-то непонятное?

– Поживем – увидим! – подмигнула Коваль, поднимаясь из кресла. – Все, дорогой, идем спать, я устала, а завтра тяжелый день.

День-то днем, а вот ночь предстоит тоже еще та – Хохла ведь так и нет дома, и где болтается этот гад, непонятно. А спать одна Марина отвыкла, ей просто необходимо чувствовать рядом с собой мужское тело, к которому она может прижаться... «Блин... И не позвонил даже, урод!»

Но сама звонить тоже не стала – пусть знает, что она не переживает. В принципе, у Марины было подозрение, что уехал самолюбивый любовник в Горелое к своей бабке, больше некуда ему ехать, нет у него никого, но ведь могло же и случиться что-то, не дай бог... Она пролежала без сна очень долго, пока, наконец, глаза сами собой не закрылись от усталости.

Утро ничего нового не принесло, если не считать приехавшей Ветки, ввалившейся в спальню прямо в мокром пальто и сапогах.

– Спишь еще? Уже утро давно!

– Черт тебя побери, Ветка, – заголосила Коваль, взглянув на часы, – половина восьмого... Я ненавижу вставать в такую рань, ты ведь знаешь! – Она накрылась с головой одеялом, но настырная подруга стянула его.

– Вставай, соня! Я пойду скажу Даше, чтобы кофе варила, а ты не лежи, иди в душ!

– Чтоб тебя в старости внуки так будили! – пробормотала Марина, нехотя вставая с кровати и прислушиваясь к звукам, доносившимся из детской – там явно плакал мальчик. – Ну что случилось, маленький мой? – Она вошла в комнату и протянула руки к сидящему в кроватке Егорке, который тихонько хныкал, уткнувшись личиком в плюшевого мишку. – Ты почему плачешь?

– Папа... – прорыдал Егорка, хватаясь за ее руки и вставая в кроватке на ножки. – Папа...

– Ну, сволочь, я тебе припомню! – пробормотала Марина в адрес Хохлы, вытаскивая сына и беря его на руки. – Не плачь, мой родной, мама с тобой. Пойдем умываться?

– Нет! Папа... – закатывался Егор, заливая слезами ее халат.

Марина ходила с ним по комнате туда-сюда, заговаривала зубы как могла, и он понемногу успокоился, дал умыться себя и переодеть и теперь сидел на кровати, играя телефонной трубкой. Коваль переодевалась, поглядывая в сторону сына, и едва не упала, заметив, как он прикладывает трубку к уху и бормочет в нее:

– Папа... папа...

«Надо же, как привязался он к Хохлу, про меня, небось, и не вспомнил!» Подхватив сына на руки, она спустилась на кухню, где за столом сидела Веточка, а у плиты колдовала Даша, то и дело сбрасывая со сковородки румяные блинчики.

– Доброе утро, Марина Викторовна! – улыбнулась она, отрываясь от своего занятия и подавая чашку кофе. – Сейчас я Егоркину кашу принесу, остывает.

– Привет, мой сладкий! – Ветка потянулась к посаженному в стул Егору, чтобы поцеловать его в щеку, но он отвернулся. – Мы не в духе сегодня?

– Все утро вопит – папа, папа! – с досадой высказалась Марина, отпивая кофе.

– А где, кстати, Хохол? Бегаешь?

– Где-то бегаешь, наверное.

– Что значит – «где-то»? – удивилась Ветка, оставив чашку.

– Ой, отвали хоть ты! – сморщилась Коваль. – Не знаю я, где он, вот и все!

– Поругались?

– Не знаю даже. Как в анекдоте – выхожу утром из ванной, а мы, оказывается, уже в разводе! Егор, не балуйся! – она отняла у мальчика салфетку, которой он возил по столу. – Он дома не ночевал, я даже не знаю, где он.

– Ты смотри-ка, характер демонстрирует, быдло уголовное, – протянула Веточка, и Марина вдруг моментально озверела:

– Заткнись!

– Ты чего, Коваль? – захлопала накрашенными глазками Веточка.

– Я же сказала – не смей говорить хоть что-то про Женьку при мне! Плохо доходит, Ветуля?

– Ты точно крышей двинула, подруга! Что я сказала-то такого? Можно подумать, что-то новое открыла!

– Я больше на эту тему не говорю, – отрезала Марина, вытаскивая Егорку из стульчика и вытирая его мордашку. – Пойдем, мой маленький, Лиду поищем, а то у мамы дела, а тебе гулять нужно.

Лида обнаружилась в детской, сидела на маленьком стульчике и задумчиво крутила в руках Егоркину машинку. При Маринином появлении она даже головы не повернула, так и сидела, уставившись в одну точку, и Коваль это очень не понравилось. Она подошла ближе, тронула няню за плечо:

– Лида, что с вами?

Она вздрогнула, бросила машинку на пол и посмотрела на хозяйку совершенно пустыми глазами:

– А? Здравствуйте, Марина Викторовна...

– Лида, вам плохо?

– Нет-нет, все в порядке, задумалась просто. Егорушка, пойдем, маленький, оденемся и на улицу, дождик кончился.

Взяв у Марины мальчика, Лида пошла к шкафу с одеждой, начала доставать оттуда какие-то вещи, и Коваль немного успокоилась, чмокнула Егорку в щеку и пошла к Ветке.

Та уже перестала обижаться, характер у нее был такой легкий, что Марина всякий раз удивлялась. Если бы с ней кто-то обошелся подобным образом, она вообще бы больше слова не сказала, даже не посмотрела бы, а Ветка прощала все и всем на удивление быстро, совсем не помня зла. Коваль села рядом с ней, обняла, положив голову на худое плечико:

– Ветулечка, прости меня, родная, я не хотела... просто я отвыкла жить одна, понимаешь? А Женька... он ведь один у меня остался, нет больше никого, никому я не нужна...

– Не плачь, Маринка, – поглаживая ее по голове, проговорила Ветка. – Я же не потому так сказала, что хочу повлиять на ваши отношения, я прекрасно понимаю, что ты не такая, как я, ты не можешь жить без мужика, а Хохол, какой бы он ни был, любит тебя и делает счастливой. Ты не переживай, он никуда не денется, пофыркает и вернется – куда ему идти?

И тут до них донесся душераздирающий вопль – кричал Егорка где-то во дворе, Марина вскочила, схватила с вешалки куртку и, выбежав на улицу, замерла прямо на крыльце от жуткой картины. Посреди двора стоял сын в окружении оскалившихся собак... Они замерли, ожидая неверного движения со стороны ребенка, чтобы наброситься и...

Дальше раздумывать было некогда, она закричала, но собаки не реагировали, наблюдая за плачущим мальчиком. Марина сунула руку в карман куртки, вспомнив, что ее «вальтер» должен быть там, позавчера упражнялась в стрельбе и забыла убрать его. Так и было, пистолет лег в руку сам, Коваль достала его, и сзади заорала Лида.

– Заткнись, идиотка! – процедила Марина, вскидывая руку и думая только о том, как не напугать ребенка выстрелом.

– Марина Викторовна, не надо, лучше я! – крикнул Кот, высываясь из сторожки у ворот и щелкая затвором «калаша», но она запретила:

– Не смей, придурок, в ребенка попадешь! – И сама выстрелила в ближайшего к ней пса – тот завизжал и упал, остальные двое отскочили, залившись лаем.

Кот уже бежал из сторожки, пинками раскидывая тычущихся ему в ноги собак. Коваль бросилась к Егорке, схватила на руки, прижимая к себе вздрагивающее от плача тельце:

– Все-все, котенок, успокойся, мама с тобой. Кот! Привяжи эту кодлу и надень намордники, иначе сейчас сам на цепь сядешь! И труп убери! А ты, – обернувшись она к стоящей на крыльце Лиде, – марш в мой кабинет, я буду через пять минут! – Развернувшись на каблуках домашних туфель, пошла в дом, на ходу крикнув Ветке, чтобы поднялась в детскую. Егорка продолжал плакать, вцепившись ручками в ее халат, Марина на ходу раздевала его, швыряя на пол вещи. – Детка моя, не плачь, больше никому тебя не доверю, будешь со мной...

Ветка прибежала следом, на ее личике было беспокойство:

– Господи, кошмар какой! Кто спустил с цепи этих монстров? Ребенок во дворе, а эти звери без намордников! Напугался сильно?

– Прилично. Ветуля, побудь с ним пять минут, я только эту идиотку вышвырну и вернусь, а охрану попозже нахлобучу, не до этого...

Коваль вошла в кабинет, где на краешке стула сидела бледная как смерть Лида, вытянувшаяся в струнку при ее появлении:

– Марина Викторовна...

– Так, молчать и слушать! – отрезала она. – Через час чтобы духу твоего здесь не было, иначе – не обижайся, скормлю этим самым собакам! Поняла?

– Марина Викторовна, я не виновата... Это ведь не я собак отпустила... – не совсем уверенно произнесла Лида. – Ведь это не могла быть я, правда же? – Она смотрела на хозяйку растерянно и словно спрашивала, а не утверждала.

– Ты спятила? Я откуда это должна знать?

– Но ведь я не могла... не могла же я сама, своими руками, правда же? – шептала Лида, глядя на Марину расширившимися от ужаса глазами. – Ведь правда, Марина Викторовна, не могла же?..

«Черт возьми, да она же ненормальная! – дошло вдруг до Коваль. – И этой помешанной я доверила своего ребенка...»

Не сводя глаз с по-прежнему бормочущей что-то Лиды, Марина набрала номер мобильного Генки и велела бегом явиться к ней. Когда тот вошел, она молча кивнула в сторону его сестры, и охранник опустился перед стулом, взяв ее за руку:

– Лидуся, что с тобой? – Но она только бормотала о том, что не могла отпустить собак. – Марина Викторовна... – Гена поднялся и виновато посмотрел на хозяйку. – Я подвел вас... Она вроде нормальная была, а тут вдруг... Видимо, сына вспомнила, его собаки порвали... Простите меня.

– Да ты-то при чем? Ты ж не психиатр, а ей лечиться нужно. Позвони Валерию Михайловичу, он тебе поможет, в стационар сестру твою определит. И сделай так, чтобы я никогда больше ее не видела.

Марина вышла из кабинета, оставив охранника разбираться с сестрой, и побрела в детскую. Надо же, как бывает, – сторел какой-то предохранитель, и женщина спокойно поставила чужого ребенка в ситуацию, при которой погиб ее собственный малыш... Выйди Марина на крыльцо на пять минут позже, не умея она обращаться с оружием – и страшно подумать, что могло бы случиться... Ее всю трясло, так всегда бывало после сильного нервного напряжения, сейчас еще бы в обморок не упасть, успеть до стула добраться. В детской она бессильно опустилась на пол, чувствуя, как внутри все опустело, никаких эмоций, ничего... Ветка испуганно смотрела на подругу, держа на руках успокоившегося Егорку:

– На тебе лица нет, что случилось?

– Давай не сейчас, – попросила Марина, прикрыв глаза. – Слишком много событий для одного утра.

– Может, ты приляжешь? А я пока с Егором побуду, – предложила ведьма, присаживаясь на корточки и заглядывая в глаза. – Давай, Маришка, ложись...

Она проводила Марину в спальню, прихватив с собой и ребенка, помогла лечь, укрыла одеялом, но та вдруг потребовала:

– Дай его мне! – и уложила мальчика рядом с собой, прижав к груди и уткнувшись лицом в его макушку.

– Я тут, поспите, – прошептала Ветка, выходя из спальни и закрывая за собой дверь.

Егорка притих, отходя от пережитого кошмара, прилепился к Марине и только иногда вздыхал со всхлипом. Она поглаживала его по спинке, обтянутой теплой рубашкой, шептала на ухо какую-то чушь, целовала, прижимая к себе, и он уснул, вцепившись ручкой в полу ее халата, чтобы не сбежала ненароком. Они проспали до вечера, встали только к ужину, поели и опять ушли в спальню. Всю ночь Егорка проплакал, то и дело вскакивал с постели, Марина ловила его, пыталась успокоить, но через какое-то время он опять просыпался и начинал плакать. Она мучилась с ним почти неделю, вызывала врача, но и приехавшая Лариса Алексеевна не смогла выявить причину. Егорка потерял аппетит, все время капризничал, выматывая и себя, и Марину, и Дашу, иногда сидевшую с ним. Коваль забросила все свои дела, отменила встречу с Младичем, сославшись на болезнь ребенка, проводила все время рядом с мальчиком, но ему становилось только хуже. Егорка похудел, глазенки ввалились, все больше времени он проводил в кровати, а не с игрушками. Да Марина и сама стала похожа на привидение, совершенно забыв о себе, отдаваясь только сыну. Наконец, не выдержав этого маразма, Ветка решительно запихала подругу вместе с Егором в джип и велела Юрке везти их в Горелое.

– Давай-давай, Коваль, там все-таки бабка, она Егорку полечит, испуг у него сильный, понимаешь? И не возвращайся сюда, пока не вылечишь!

Марина плоховато соображала, куда они едут и зачем, но вдаваться в подробности просто не было сил, а потому она молча сидела на заднем сиденье «Хаммера», прижав к себе одетого в теплый комбинезон Егорку. Машина затормозила у ворот бабкиного дома, Коваль вышла, велев Юрке ехать обратно:

– Я позвоню тебе, когда понадобится.

Толкнув калитку, вошла во двор – у сарая стоял темно-синий «Навигатор»... И сам Хохол вышел из гаража, вытирая руки какой-то тряпкой.

– Ты? Зачем приехала? – голос звучал почти враждебно.

Марина подняла на него глаза, и выражение его лица моментально сменилось, став испуганным и озабоченным:

– Господи... случилось что-то? Котенок, что с тобой?

Он метнулся к ней, хватая за плечи и вглядываясь в лицо, потом прижал ее голову к груди и прошептал:

– Прости меня...

– Мне не до этого, – глухо проговорила она, пытаясь освободиться из его рук. – Женя, где баба Настя? Егорку нужно срочно лечить, у него сильный испуг, он заболел.

– Да что стоим-то, идем в дом, – засуетился Хохол, подталкивая ее к крыльцу.

В доме было жарко натоплено, очень чисто и как-то уютно и спокойно, и Марина почувствовала себя немного лучше. Баба Настя сидела в кресле со своим неизменным вязанием, обернулась на скрип двери и охнула, увидев ее:

– Маришка! Женька, не стой столбом, шалопут, помоги раздеться! Сейчас я, сейчас... – Она проворно встала и направилась к Марине, но, заметив у нее на руках спящего Егорку, остановилась. – Так это и есть ваш сын?

- Да... баба Настя, помогите мне, ради бога, я умру, если с ним что-то случится...
- Не мели ерунды! – рассердилась старушка, махнув в ее сторону рукой. – Что с мальцом-то?
- Собаки... собаки напугали...
- Наши, что ли? – удивился Хохол, осторожно забирая Егора и укладывая на кровать в маленькой комнате.
- Наши, Женька...
- Ну-ка, идите отсюда оба! – велела бабка, закрывая за собой дверь и оставаясь с Егоркой. – Не мешайте, позову, как управлюсь, а раньше этого в дом – ни-ни!
- Идем, котенок, поговорим на улице, – Хохол потянул Марину за рукав куртки, вывел на крыльцо. – Покурим?
- Она молча взяла протянутую сигарету, закурила, стараясь унять дрожь в руках, но ей это не удавалось, и тогда Женька обнял ее, выбросив сигарету:
- Тебе плохо, котенок?
- Мне ужасно... – прошептала она и заплакала, пряча лицо на его груди. – Никогда больше не бросай меня... мне так ужасно без тебя...
- Прости меня... прости меня, котенок мой, я больше ни за что тебя не брошу. Ты мне веришь?
- Да, – прошептала Марина, слизывая с губ слезы. – И ты прости меня за все...
- Котенок, не говори глупостей, любимая. Ты устала? Хочешь, я тебе постелю хотя бы в сенях, на лежанке? – предложил он, но она отказалась:
- Нет... давай здесь посидим.
- Ты замерзла, вон, руки холодные какие, – заметил Женька, сжав ее пальцы и поднеся их к губам. – Давай погрею... – Он расстегнул на груди рубаху и сунул туда Маринины ледяные руки. – Вот так... Я соскучился по тебе, родная моя, так соскучился... Скажи, ты приехала бы, если бы не Егорка?
- Нет.
- Стерва! – захохотал Хохол, поднимая ее на руки. – А я ведь так и знал – не приедешь и не позвонишь, чертова сучка, ни за что первая не заговоришь! Что за характер у тебя, Коваль?
- Какой есть...
- Ну теперь-то я тебя не отпущу, не надейся!
- Он закружил ее по двору, подбрасывая вверх, и тут неожиданно повалил снег, такой сильный, что, пока они добежали до сарая, оба оказались в пушистых белых шапках.
- В дом-то нельзя, бабка сама позовет, как закончит, – проговорил Женька, стряхивая с головы белые хлопья. – Придется здесь сидеть.
- Посидим, – согласилась Марина, сбрасывая куртку и оставаясь в черном, обтягивающем тонком свитере. Глаза Хохла опасно блеснули – его всегда возбуждала обтягивающая одежда, не скрывавшая ни одного изгиба ее стройного тела.
- Котенок... ты меня разводишь... – прошептал он, положив руки ей на бедра и касаясь губами мочки уха. – Скажи честно, чего ты сейчас хочешь?
- Ты ведь и сам все знаешь... но Егорка... я очень боюсь, Женька, так боюсь, если б ты знал... Представляешь, эта Лида оказалась психически больной – отпустила собак, стояла и ждала, что будет с моим ребенком. У нее сына точно так же псы разорвали, от этого она умом тронулась, а я доверила ей Егорку, даже не узнав, кто она и что за человек... Неужели теперь у Егора на всю жизнь испуг останется?
- Котенок, не волнуйся, бабка плохого не сделает, наоборот даже... Иди ко мне, – прошептал он, увлекая Марину за собой на сеновал, где на самом верху стога был разложен старый тулуп.

...Потом в волосах там и тут торчали соломинки и какие-то листья, а все тело пахло сухой травой, заставляя вспоминать происшедшее между ними. Хохол посмеивался, лежа в сене с соломинкой в зубах.

– Ты скучал по мне? Нет, молчи, я и так знаю... – Марина, отбросив за спину волосы, легла к нему под бок, обняла за талию и положила голову на грудь. – Ты ведь скучал по мне, Хохол, мучился, изводил себя мыслями о том, что я заменила тебя кем-то, да? И это тоже я знаю... Но ты поверь – мне не до этого было... И скучать по тебе мне тоже было некогда – столько навалилось всего...

Хохол слушал это молча, только перебирал ее волосы, накручивая пряди на палец. Марина знала, что уже в первый день без нее он проклял все на свете, в том числе и свое сокровенное желание жениться, неизменно приводящее к скандалам, но решил выдержать фасон и проучить строптивую бабу. И, если бы не так внезапно заболевший Егорка, он покобенился бы еще недельку и приполз на брюхе, как делал обычно. Ведь сама Коваль ни за что не приехала бы к нему, никогда, – страдала бы, мучилась, но не приехала бы, и только страх за сына пригнал ее в Горелое. Женька тоже это знал, а потому сейчас старался ничем не спровоцировать ее, не сказать и не сделать ничего, что заставило бы своенравную Марину собраться и уехать.

– Досталось тебе, моя дорогая?

– И не говори... Что ж так долго бабка твоя возится?

– Так это дело не быстрое, и не за один раз все вылечивается, я помню – она меня тоже от испуга лечила в детстве, воду какую-то с воском над головой лила, а потом из этого воска вышло то, что меня напугало, прикинь? – Хохол пощекотал ее соломинкой по шее, и Марина улыбнулась:

– Не надо, Жень...

– Я так рад тебя видеть, котенок, ты представить не можешь, – признался он, водя этой соломинкой по ее лицу. – Я соскучился по вас, по тебе и по Егору.

– Ты не представляешь, что мне пришлось пережить за то время, когда он плакал и звал тебя, когда по телефону с тобой разговаривать пытался. – Она уперлась подбородком в его грудь и заглянула в глаза. – Женька, теперь ведь не только я, теперь ведь еще есть и он, ты никогда не задумывался об этом? Он – твой сын, пусть и не родной, но он-то этого не знает...

– Котенок, я виноват перед вами, опять самолюбие выиграло, не смог справиться... Вы мне каждую ночь снились, я тут волком выл, бабку пугал. Она говорит – засунь ты, Женька, гордыню свою туда, куда Макар телят не гонял, езжай домой, повинись, она простит, я знаю. А я – нет, бабка, не поеду, пусть подумает! А она мне раз и говорит: ну и дурак ты, внучек, мол, довыдываешься, бросит тебя Маринка, тогда повоешь. Нашел, мол, причину – замуж баба не идет! Так ведь и не прежнее время-то, так живи, без росписи, никто не осудит. Я и задумался – а правда, чего я тебя в загс тащу так упорно? Ты ж и так жена мне, зачем что-то мутить? Ведь жена же, Маринка? – Он посмотрел на нее с надеждой, и Коваль не осталось ничего, кроме как согласиться:

– Конечно, Жень.

– Все, котенок, больше слова не скажу. Замерзла? – Он набросил ей на спину свою куртку. – Может, баню затопить?

– Давай, а то я опять простыну.

– Я мигом, котенок, ты пока тут побудь, а то снег-то валит. Закутайся теплее, а я на тебя еще сенца кину – в нем тепло.

Хохол выбрался из ее объятий и скатился с сеновала вниз, бегом направляясь в баню, а Марина закуталась в его куртку и тулуп, свернулась калачиком, подтянув ноги к груди. Сквозь щель в двери сарая она видела, как Женька принес охапку дров, как за ним под крышу крыльца бани подтянулись собаки, как из дома выглянула баба Настя, крикнув Женьке:

– Где Маринка-то? Пусть в дом идет, замерзла, поди!

– Иду, баба Настя! – отозвалась Коваль, спускаясь с сеновала и пробегая через двор к дому. – Ой, снег-то какой, неужели не кончится? – Она сбросила мокрую куртку в сених и вошла в комнату.

Егорка, уже раздетый до колготок и футболки, возился на диване и, увидев Марину, заулыбался, задрав мордашку:

– Мама!

– Да, мой маленький, я пришла. Как ты тут? – Она усадила его на колени, пригладила волосенки на макушке и посмотрела на усевшуюся в кресло бабу. – Ну что, баба Настя?

– Дак что – испуг у парня, полечу, пройдет. Ты мне вот что скажи – больно знакомый парнишка, видала я его раньше, а где – не вспомню, старая стала, память не та уже.

Она внимательно смотрела на Марину сквозь стекла очков, и той было неуютно от этого взгляда, она поежилась и отвела глаза.

– Не знаю, баба Настя...

– Ты опять за свое, Маринка? – покачала головой баба, и в голосе послышалась укоризна. – Я ж еще тогда тебе сказала – я хоть и старая, да из ума пока не выжила. Ведь парнишка этот – Нателкин, соседки моей, я его летом от сглаза лечила, ты тогда здесь жила, у меня. И что ж это вы надумали, безбожники?

– Почему – безбожники? – прижав к себе Егорку так, словно кто-то хотел отнять его, спросила Коваль.

– А мать-то его где?

– Так погибла она, баба Настя, в сентябре еще погибла, на машине попала в аварию, и Егорка в больнице лежал. Я из больницы его и забрала...

– Сама, что ль, Нателка-то погибла или, может, помог кто?

– Да вы что?! – вполголоса закричала Марина, вскочив с дивана. – Как вы можете-то?!

– А что тут такого? Женьке человека убить – как курицу зарезать, я-то знаю, – спокойно перекидывая петли со спицы на спицу, сказала баба. – А уж для тебя ежели, так он и думать не станет – любого порешит. В толк не возьму только, почему именно этот мальчонка вам понадобился?

– Да потому что он – сын моего погибшего мужа! – рявкнула Коваль, зажав Егоркины уши ладонями. – Вот почему! Потому, что эта тупая корова пыталась отнять все, что было в моей жизни – Егора моего, пыталась через ребенка вернуть его себе! И даже после его смерти она не оставила этих попыток, даже когда мы с Женькой пришли к ней и предложили денег, только чтобы она уехала отсюда! Она убила моего любовника, просто взяла и застрелила ни в чем не повинного человека только за то, что он любил меня, как и Егор! Не ее – меня! – Марина не могла остановиться, кричала уже во весь голос. – всю мою жизнь меня ненавидели бабы, но только эта курица посмела отомстить мне таким диким образом, это ведь из-за нее чуть не сел Женька, которого там вовсе и не было! Она решила подставить меня, а подставила его! И не надо обвинять нас в том, чего мы не делали, ни я, ни ваш внук!

– Остынь, девка! – вдруг повысила голос спокойно до этого слушавшая баба. – Я ведь не чужая вам, могу говорить все, что думаю. А про мальчонку так скажу – Нателкина родня на него не шибко-то претендовать будет, не нужен он им, лишний рот, а вот попробовать денег из тебя потянуть – запросто могут, алкаши поганые. Так что ты на улицу со двора с Егоркой не выходи, ни к чему это. И на меня не серчай, я как лучше хочу. И еще вот что скажу тебе, пока Женьки нет... Не гони ты его, любит ведь тебя, как ослеп вроде, ночами в подушку тут ревел, и это Женька-то мой, который с детства не плакал! Взрослый мужик, а как ребенок малый – люблю, а справиться не могу с ней.

– Он давно живет со мной, а так и не понял, что справиться со мной никому не под силу. – Успокаиваясь, Марина села на диван, спустив Егорку на пол. – Такая уж уродилась непокорная. Егорка, не надо, сынок. – Она отобрала клубок ниток, который он схватил и попытался сунуть

в рот. – Я тебе говорю – не надо! Отнеси бабушке. – И он заковылял к бабкиному креслу, держа клубок обеими руками. – Вот умница моя, помощник!

Баба Настя посмеялась над ними, не прерывая своего занятия, и тут появился Хохол, при виде которого Егорка взвизгнул и рванул навстречу. Женька присел на корточки, раскинув руки, и Егорка вмиг оказался в его объятиях, цепляясь ручонками за шею.

– Привет, мужичок! Вырос-то как! – Женька подбросил его вверх, потом усадил на руку и пощекотал животик. – У, пузо-то наел какое! Непорядок! Ты ж у меня спортсменом будешь!

– Ой, мама, второго марафонца я не переживу! – простонала Марина, хватаясь за голову, и Женька засмеялся:

– Видишь, сынок, мама не хочет спортсмена. А кого хочет наша мама?

– Вырастет – сам решит!

– Баня готова, пойдем? – Хохол ссадил Егорку на диван и повернулся к Марине. – Егора будем брать?

– Возьмите, я потом за ним приду, – откликнулась бабка.

– Ой, ходок еще нашелся! – фыркнул Женька. – Сам принесу, ты только постель приготовь нам.

Прихватив полотенца, они пошли в баню, где Егорка, к удивлению, долго и совершенно спокойно лежал на полке в парилке и даже позволил Женьке пару раз хлопнуть себя веником.

– Наш человек! – определил Хохол, заворачивая разомлевшего от пара мальчика в полотенце. – Ты погрейся пока, котенок, а я бойца унесу, спит вон уже. Смотри, как быстро разморило его... – Он заботливо прикрыл голову Егорки краем полотенца, закутал сверху еще и своей курткой и понес в дом, а Марина легла на полку в парилке, растянувшись на прогретых, чуть пахнущих смолой досках.

Женька вернулся быстро, закрыл дверь и скинул с себя спортивные брюки, присоединяясь к ней:

– Соскучилась, маленькая? – Его руки легли на ее живот, поползли вверх, к груди. – Господи, Коваль, я так по тебе тосковал... Кто бы мне сказал, что я буду мириться с девчонкой, которая моложе меня почти на десять лет, у которой такой стержневой характер, которая будет издеваться надо мной похлеще, чем вохра на учениях... Маринка, я ведь действительно тебя люблю.

Она засмеялась, ложась на бок и подпирая голову кулаком, Хохол устроился рядом, спрятав лицо на ее груди и прижавшись всем телом.

– Жень... не уходи больше, ладно?

– Родная моя, да теперь не выгонишь, даже если захочешь! – засмеялся он, водя языком по ложбинке между грудей. – Никогда... Знаешь, я понял одну простую вещь – вы моя семья, ты и Егор, и без вас мне просто жить незачем. Ну встал, поел, тусанул туда-сюда – а потом что? А вот приехали вы, и все приобрело смысл какой-то, есть сын и есть ты, и каждому я должен время уделить, по головке погладить хотя бы...

– Да, а меня не только по головке. И не столько по ней! – Марина потянула его за ухо, и он совершенно серьезно согласился:

– Тебя – не столько. Но признайся, тебе приятно, что я стараюсь заботиться о тебе?

– Жень, а кому это не приятно? Все любят внимание.

– Ну все или не все, а ты-то просто королева среди прочих! И я даже понял, почему так. Тебя в детстве никто не гладил по головке, не дул на разбитую коленку, не прикладывал холодную ложку к синякам, правда? Ну так теперь ты в каждом мужике ищешь заботливого папочку.

– Это плохо?

– Нет, котенок, это нормально. Но при этом ты не умеешь принимать эту заботу, сворачиваешься в клубочек, как ежик, и колючки выставляешь. – Улыбаясь, Женька убрал с ее лица

волосы и прикоснулся губами ко лбу. – А я ведь не сделаю ничего, чтобы тебе навредить, ты же сама знаешь.

Марина обняла его, прижимаясь к влажному телу, и молча кивнула головой. Во многом он был прав – она бессознательно искала среди мужчин того, кто смог бы заменить ей отца, который появился у нее только в очень взрослом возрасте, старалась компенсировать себе отсутствие отцовской любви и заботы. И эту заботу дарили сперва Череп, потом Малыш, а теперь вот и Хохол... Хотя, видит бог, непросто им это давалось.

Они спали втроем, прижавшись друг к другу вплотную, и Женька то и дело набрасывал край одеяла на Мариного голое плечо, боясь, что замерзнет. С утра, забрав проснувшегося Егора, он стал собираться:

– Идем-ка к бабушке, пусть мамуля наша поспит, только вот тряпки твои прихватим...

– Мама! – Егорка решил на дорожку все-таки разбудить мать, но Хохол решительно выставил его из комнаты:

– Тут постой и помолчи, горлопан! Сейчас приду.

Он порылся в сумке, которую никто вчера не разобрал, нашел Егоркины вещи и тоже вышел, закрыв плотно дверь. Марина снова задремала и проспала часов до одиннадцати, проснувшись от запаха пирожков с капустой, которые неизменно пекла в ее приезды баба Настя. Закутавшись в халат, Коваль вышла на кухню и застала там милую картину – бабка лепит пирожки, то и дело поворачиваясь к плите и сбрасывая очередную порцию со сковороды в большой таз, Хохол курит в углу возле русской печи, а Егорка восседает за столом, весь по уши в муке и с куском теста, который нещадно мнет ручками, повторяя бабкины действия.

– Вот и мамка встала, смотри, внучек, кто пришел! – не прерывая занятия, проговорила баба Настя, обращаясь к Егору, и тот повернулся к Марине.

– Мама! На! – И протянул кусок теста, который перед этим тискал.

Хохол засмеялся, сунув окурок в пещку:

– Сынуля пирожок тебе состряпал, видишь, котенок, как хорошо двух мужиков иметь!

– Спасибо, родной! – она поцеловала Егорку в перепачканную мукой щеку. – Мы его сейчас на сковородку положим, и потом мама его съест, хорошо? Доброе утро, баба Настя.

– А мне – не доброе, что ли? – Хохол обнял ее сзади за талию и поцеловал в шею, отводя в сторону волосы.

– И тебе тоже, – Марина повернулась к нему, чмокнув в щеку. – Пойдем, польешь мне, умоюсь.

– Ну пойдем.

В сенях было холодно и сыро, Коваль поежилась, пробуя пальцем ледяную воду в ведре и представляя с содроганием, как Женька с утра обливался такой водичкой на улице.

– Сейчас чайник принесу, а то тебе неприятно будет. – Хохол прекрасно знал, что она с трудом переносит холод, потому принес чайник и урегулировал, так сказать, несоответствие.

Умывшись, Марина окончательно проснулась, подобрала волосы кверху и посмотрела на Хохла – тот улыбался.

– Ты чего?

– Никак не привыкну, что здесь ты просто моя жена.

Она потрепала его по затылку, поцеловала в нос и пошла в кухню, где баба Настя только закончила выпечку, убрав со стола муку и выставив таз с румяными теплыми пирогами.

– Где пропали? Садитесь, пока горячие. Жень, молоко прихвати из холодильника, – распорядилась она, доставая из шкафа кружки.

Марина усадила Егорку на колени, разломила перед ним на тарелке пирожок и подвинула стакан с молоком.

– Мама, на! – он тут же схватил половинку и попытался засунуть ей в рот. Пришлось подчиниться и откусить.

– А теперь сам.

– Нет, мама, мама! – Егорка не отстал до тех пор, пока она не съела весь пирог с его тарелки, и только после этого согласился есть сам.

– Смотри, какой заботливый! – покачала головой баба Настя, глядя на их маневры. – Как тут и был, надо же!

– Ну ты сказала, бабка! – возмутился Женька. – Он же наш, Маринка ему мать!

– Ну-ну, – кивнула бабка. – Только глядите, как бы Нателкина кровинка не проснулась в пацане, нахлебаются тогда. Не родной он вам.

– Опять?! – взвился Хохол, вскакивая из-за стола. – Что ты каркаешь все время, как ворона старая?! Что в нем проснется, когда он и не знал ее толком? Маринка – его мать, а отец у него был такой, что тебе и не снилось, – грамотный, образованный, не быдло какое-то! И не смей вообще больше об этом заговаривать!

– Сядь на место! – негромко приказала Марина, не поднимая глаз от тарелки. – Ну?! – И, когда Женька сел, взглянула ему в глаза. – Что разорался?

– Пусть думает, что говорит!

– Я сказала – не ори. Ребенка напугаешь.

– Да идите вы!.. – Он вскочил, перевернув табуретку, и выбежал из дома, хлопнув дверью.

Егорка вертел головенкой, пытаясь понять, что происходит, а потом вдруг заплакал, ткнувшись личиком Марине в грудь. Она встала, заходила по комнате, успокаивая его, но он не прекращал, всхлипывал, подрагивая плечиками, и тогда бабка поднялась и забрала его, направляясь в маленькую комнату и указав Марине глазами на дверь – выйди, мол. Та прихватила куртку и вышла во двор, закурила, сев на лавку. У сарая Хохол махал топором, раскалывая огромные чурки – злость разгонял.

– Жень, остановись на минутку. – Но он не реагировал, продолжая опускать топор на ни в чем не повинные чурки с такой силой, что они разлетались в щепки. – Хохол! Ты оглох, что ли?

– Ну?

– Что – ну? Сюда подойди, – покачивая ногой в такт его ударам, проговорила Коваль.

Женька отбросил топор и приблизился к ней:

– Говори.

Она отбросила окурок, встала и обняла его за шею, прижавшись всем телом. Хохол ошалел, ожидая чего угодно, только не этого.

– Ну что ты, мой мальчик? Что ты так вызверился на старую бабулю? Прослушай и не реагируй, мы-то с тобой знаем, что все будет так, как мы сами решим, как воспитаем. Ну, Жень... перестань, любимый мой, не надо так...

– Господи, котенок, я так испугался вдруг – а если она права и Егорка станет каким-нибудь...

– Ну каким? – перебила она, разглаживая пальцем складку между бровей. – Каким он может стать рядом с нами? Мы же все сделаем, чтобы он рос нормальным, чтобы все у него было, правда? И ты научишь его всему, что сам умеешь...

– Ага, как разборки вести и стрелки забивать! – вздохнул Женька, садясь на лавку и усаживая Марину на колени. – Мы ведь с тобой уроды, котенок, если по обывательским понятиям судить.

– Пусть. Нам нет дела до этого. И Егор никогда не будет таким, какие мы с тобой, никогда не будет заниматься тем, чем мы.

– Да, котенок, не будет, – эхом откликнулся Хохол, покачивая ее на коленях.

...Они прожили у бабки десять дней, пока она лечила Егорку, и все эти дни Марина пыталась помирить их с Женькой, но настырный Хохол не мог простить бабке слов о том, что Егор не их сын. Как Марина ни пыталась убедить его в том, что она не со зла сказала, ничего не помогало – Женька упорно игнорировал бабу, не разговаривая с ней. Но и сама баба Настя осталась при своем мнении, хотя к Егорке привязалась и проводила с ним много времени, рассказывая ему какие-то старые сказки. Да и он тоже доверчиво жался к бабкиным коленям, мог подолгу стоять возле ее кресла, замороженно глядя за тем, как мелькают спицы в ее вязании. В день отъезда Егорка назвал ее бабой, и старушка всплакнула, расчувствовавшись:

– Внучек ты мой, умница моя! Ты уж приезжай к бабушке, не забывай! Маришка, летом-то приехали бы, пусть бы Егор на воздухе побыл, тут все же лес рядом, речка, разве в городе-то так хорошо?

– Конечно, баба Настя, обязательно, – пообещала Коваль, обняв ее и целуя в морщинистую щеку.

Женька возился у машины, даже не подошел попрощаться, за что Марина всю дорогу его ругала.

– Перестань, котенок, это наши с ней разборки, ты ни при чем здесь! Тебя она любит, хотя я так и не понял, как это вышло, – она обычно всех девок моих шалавами называла, а с тобой, вишь, как дружит! – отмахнулся он, и Коваль засмеялась:

– Так до меня шалавы и были, сам же рассказывал! А я девушка серьезная и приличная!

– Ага! – фыркнул Женька. – Знала бы она про твои «приличия»!

– Так она и знает, и ей, кажется, все равно...

Через три дня после возвращения Марины из Горелого позвонил Младич:

– Марина Викторовна, я хотел бы увидеться с вами перед отъездом, это возможно?

– Вы уезжаете? – разыграла искреннее удивление Коваль, хотя прекрасно знала даже номер рейса.

– Да, контракт кончился. Так я могу рассчитывать на встречу?

– Хорошо, давайте встретимся сегодня вечером в моем ресторане. Не возражаете?

– Отлично. Тогда в семь?

– Договорились.

Хохол, наблюдавший за ней во время этого разговора, недовольно поморщился:

– Я думал, мы проведем вечер вдвоем.

– А я его и проведу вдвоем. Но не с тобой, к сожалению. Ты останешься дома, дорогой.

– А что так? – напрягся вдруг Женька, подозрительно глядя на Марину.

– А то – я не на свидание еду, а по делу, мне нужно заставить этого черта остаться здесь и работать с моей командой дальше. А если со мной поедешь ты, то все превратится в обычный вечер с выпивкой и ничего не значащим трепом. – Она поцеловала Женьку в щеку. – Не обижайся, любимый, я решу все проблемы и вернусь, а тогда – делай все, что захочешь...

– Смотри – ты сама это сказала, – хищно улыбаясь, прошептал Хохол ей на ухо, и Коваль вздрогнула от предвкушения умопомрачительной ночи.

Ровно в семь вечера она сидела в татами-рум своего ресторана в компании главного тренера, одетого, как всегда, в безупречный костюм от «Армани», благоухающего дорожкой туалетной водой и вообще излучающего удовлетворение жизнью. Он расслабленно возлежал на диване и смотрел на Марину с нескрываемым интересом.

– Ну что, господин Младич, давайте о делах, – предложила она после второй чашки саке, и он вальяжно улыбнулся:

– О каких делах, Марина Викторовна? Мой контракт закончился, я уезжаю в Москву, буду рассматривать другие предложения.

– А они уже есть?

– Пока нет, но, думаю, поступят.

«Самоуверенный какой, – подумала Коваль, внимательно глядя на него. – А если не поступят, тогда как?»

– А рассмотреть возможность продолжения нашего сотрудничества вы не желаете?

– Мне кажется, я выполнил условие, поставленное вами – команда удержалась в тройке лидеров, так чего вы еще хотите? Это, в принципе, потолок, даже выше, скажу честно. – Младич подцепил палочками суши и довольно ловко окунул в соус.

– Вы думаете?

– Тут думать не надо, и так все видно.

– Скажите прямо, Мирослав Йожефович, вы не хотите работать здесь потому, что президент клуба – женщина?

– Побойтесь бога, Марина Викторовна! – захохотал Младич. – Мне казалось, мы неплохо ладили, вы не лезли в мои дела, а я не вникал в ваши! Но Москва есть Москва, вы же понимаете! Там совсем другие возможности, другие задачи...

– Другие деньги, – подхватила Марина в тон ему, и он согласно кивнул.

– Да, и деньги другие.

– И дело только в этом? – Она продолжала изучать его лицо, но на нем не дрогнул ни один мускул, не пробежало ни тени.

– И в этом тоже, но отчасти. Скажу откровенно – у вашего клуба нет перспективы, и футбол здесь... местечковый, что ли. Уровня нет.

– Так давайте сделаем этот уровень – в чем проблема? – пожала плечами Коваль, вытаскивая сигарету.

Младич уставился на нее так, словно перед ним сидела не Марина, а какое-то инопланетное существо, предложившее ему полет в другую галактику.

– Вы понимаете, о чем говорите? Вы рассуждаете, как дилетант на трибуне, простой болельщик, не искушенный во всех подводных течениях и всей околофутбольной кухне. Что значит – сделаем уровень? Вы стадион свой видели? Это ж полигон для учений танковых частей, а не футбольный газон. А ваша база? Санаторий для умственно отсталых инвалидов! Куда вы лезете, милая барышня? – Младич кипел праведным гневом, а Коваль совершенно спокойно за ним наблюдала.

– Мирослав Йожефович, я прекрасно понимаю, что легче и быстрее взять почти готовую команду, с хорошей базой, отличным стадионом, приличной материальной поддержкой, где-нибудь поближе к Москве, а вообще идеально – в самой Москве, чуть-чуть доработать – и ты в полном шоколаде, супертренер. А вот если попробовать взять такую команду, как моя, далеко от центра, в глухой глубинке, создать все с нуля и привести ее в Высшую лигу? Вы не думали об этом?

– Куда привести?! Да с вашей командой только первенство водокачки можно выиграть, и то, если очень сильно напрячься! – заявил он, не понимая, шутит эта непростая девица или говорит серьезно.

– Да? А вы попробуйте, – посоветовала она, отпивая sake и обмахиваясь большим веером.

– Что? Стать чемпионом водокачки?

– Я не понимаю вашего сарказма, господин Младич. Ведь большинство игроков были приглашены сюда по вашей просьбе, если я ничего не путаю.

– Да, но...

– А не надо никаких «но», – подавшись вперед, перебила Коваль. – Я ведь абсолютно серьезно предлагаю – давайте создадим здесь команду, способную к соревнованиям на высшем уровне. Стадион я построю за год, причем такой, что и в Москве не снился никому – крытый, с раздвижной крышей и натуральным газоном, базу тоже приведу в порядок. Игроков начнем растить своих, создадим школу. Я понимаю, это выглядит нереально, но ведь если приложить усилия, то результат обязательно будет.

Младич был в шоке, он никак не мог переварить все, что она сейчас наговорила и напланировала. Коваль снова закурила и выжидающе смотрела на растерянного тренера.

– Мирко, соглашайтесь, я серьезно. Я сделаю все, что пообещала, я никогда не бросаю слов на ветер.

– Вы хоть понимаете, КАКИЕ это деньги? – выдохнул, наконец, Младич, проморгавшись.

– Разумеется.

– И они у вас есть?

– Есть, – кивнула она. – Я ведь богатая вдова, Мирко. Мой муж владел огромной строительной корпорацией, после его гибели она принадлежит мне. Да и без этого я весьма небедная девушка – у меня крупная сеть ресторанов и казино, если вы этого не знали. Так что деньги – самая меньшая из всех проблем.

– А самая большая?

– Вы, – абсолютно серьезно ответила Коваль.

– Я?!

– А что вас так удивило? Мне нужен тренер, способный воплотить мои мечты в реальность, и он есть, но почему-то сидит сейчас и тупо упирается, отказываясь от перспективы. Странно, да? Вы когда-нибудь работали в Высшей лиге, Мирко?

– Нет.

– Тогда я вообще ничего не понимаю – вам предлагают это на блюдечке, а вы отмахиваетесь. Да, это случится не завтра, но случится же! Даже если без вас. Представьте, как обидно будет сознавать, что именно вы могли бы привести мою команду к такому результату?

– Вы сумасшедшая, Марина Викторовна, – выдохнул Младич, и Коваль поняла, что выиграла.

– Я это знаю. Так вы обдумаете мое предложение?

– А есть выбор? – засмеялся он, беря ее за руку.

– Думаю, нет.

Младич еще долго смеялся, но смех этот был уже не издевательским, а каким-то скорее нервным – он и сам не понял, как дал так быстро уговорить себя ввязаться в эту авантюру. Но Марина никогда не отступалась, уж если ей что-то было надо, шла по головам, но свое получала, и на сей раз тоже это удалось. Вот он, главный тренер, сидит готовенький, предвкушает большие деньги и немалые перспективы. В принципе, он-то ничего не потеряет, в случае неудачи просто уедет в свою Москву, а вот она, Коваль, кучу денег вложит, и еще не факт, что все получится. Но теперь уже поздно отступать.

– Так может, мы все же перейдем на «ты», раз предстоит долгая и тяжелая работа? – предложил Младич, дотягиваясь до кувшинчика с саке.

– Почему нет? – согласилась она, обмахиваясь своим бело-черным веером.

Они выпили, глядя в глаза друг другу, и Младич вдруг улыбнулся:

– Знаешь, я подумал, что мне придется везти сюда жену, раз уж я тут надолго.

– Не проблема. Любая квартира в любом районе города – твоя, только выбери.

– Я не о том. Понимаешь, я не думаю, что это удачная идея – проводить с ней много времени вряд ли смогу, по роду деятельности буду вынужден общаться с тобой больше, чем с ней.

– Вынужден? Хорошее определение! – усмехнувшись, Коваль отложила веер, взявшись за палочки и дотягиваясь до блюда с роллами.

– Ты не так меня поняла – общение с тобой не в тягость, скорее наоборот, и этого-то я и боюсь. Моя жена жутко ревнива, хотя по идее ревнивцем должен быть я – она моложе меня на десять лет.

– Я была моложе мужа на четырнадцать и ревновала его крайне редко, да практически вообще не ревновала.

– Ты рано вышла замуж?

– Скорее поздно, мне было двадцать семь лет, – она закурила, удивляясь в душе самой себе – никогда не говорила с чужими о своей жизни, о своем муже. – По нынешним временам – старая дева.

– Ну, все бы такими были! Я уверен, что твой муж с тебя глаз не сводил, боялся, что уведут.

– Ты удивишься, но у нас был очень странный по бытовым понятиям брак – я гуляла, как кошка, а Егор практически никогда не выражал недовольства, не пытался образумить меня, понимая, что бесполезно, – я такая, какая есть, и пытаться переделать меня смысла нет.

– Я убил бы тебя, если бы ты была моей женой.

– Так поэтому я и не твоя жена! И вообще – не слишком ли ты влез в мою личную жизнь, господин тренер? Пора домой, меня ребенок ждет.

– В двенадцать часов? Да он спит уже давно, – возразил Младич. – Может, мы поедем куда-нибудь в другое место?

– Нет, мы не поедем в другое место, – решительно отказалась Марина, вставая. – Тебя отвезти в гостиницу?

– Нет, доберусь сам. – Младич был явно раздосадован отказом.

– И все же я настаиваю. Ты поедешь с моими парнями, так будет спокойнее.

– Зачем тебе такая толпа охраны? – спросил он, когда они вышли на улицу, а рядом моментально оказались Сева и Гена.

– Жизнь такая. Гена, отвезете господина Младича в гостиницу, – распорядилась Марина, садясь в свой джип. – Увидимся через неделю, Мирко! – она помахала рукой в приоткрытое окно и велела Юрке ехать домой.

Хохол не спал, ждал, сидя в каминной перед огнем с банкой пива в руке.

– Ты опять из банки хлещешь? – Марина подошла и отняла у него жестянку. – Ну, Жень, ты ж не шпана в подворотне, правда?

– Иди ко мне! – игнорируя нравоучения, проговорил Хохол и, когда Коваль приблизилась к его креслу, усадил на колени и впился в ее рот, размазывая по лицу красную помаду. – Почему так долго?

– Упирался господин Младич, пришлось долго уговаривать, – обняв его за шею, промурлыкала она.

– Не спрашиваю, как тебе удалось это, – просто не хочу знать.

– Охренел совсем?! Ты это о чем? – Коваль уперлась руками в его грудь и отстранилась.

– Не кричи. Ну-ка... – Его рука скользнула под платье, и Марина инстинктивно сжала ноги, разозленная его подозрениями. – А что такое? Ты ведь любишь, когда я тебя глажу.

– Достал! Что ты себе позволяешь? – возмущенно спросила она. – Как ты можешь не доверять мне?

– Доверять – тебе? – усмехнулся Женька, одергивая платье. – Я что – лох какой-то? Как можно доверять бабе, у которой в мозгах один секс, а, Коваль?

– Хочешь, я тебе по морде врежу? – поинтересовалась она, убирая его руку со своей ноги.

– А если в ответ получишь? – в тон ответил Хохол, возвращая руку на место. – Ты ж понимаешь, что я могу и не стерпеть, как всегда, а просто взять и ответить.

– А сможешь?

– Да за не фиг делать! – совершенно серьезно заверил Женька, и что-то подсказало ей, что он не шутит.

– Может, мы прекратим ругаться? – попробовала Марина зайти с другой стороны. – Я устала...

– Ага, расскажи мне, как ты устала! – кивнул Хохол, осторожно выдергивая из ее прически прядь волос и наматывая ее на палец. – Устала языком молотить, что ли?

– И это тоже. Такой противный гад оказался!

– Ты мне зубы-то не заговаривай, между прочим, – не повелся Хохол.

– Нет... слушай, а пойдем в бассейн? – вдруг предложила она. – Прикинь, какое там эхо – ты рехнешься.

Хохол заржал от души, но остался доволен фантазией, встал и понес ее вниз, в выложенный изумрудной кафельной плиткой бассейн. Там было прохладно и темно, но Женька включил подсветку воды и повернул регулятор температуры, и, пока он неспешно раздевал ее, воздух нагрелся. Хохол получал удовольствие, прикасаясь к Марине то нежно и осторожно, а то грубо и больно, так больно, что она вскрикивала, и это еще сильнее возбуждало его. Она уже была раздета, а сам он продолжал стоять в джинсах и черной футболке, не торопился раздеваться – это несоответствие только усиливало эффект, Женька ощущал себя полновластным хозяином, которому стоит только головой кивнуть – и любое желание будет удовлетворено в полной мере и без возражений.

...Коваль плотнее закуталась в большое полотенце, поджав под себя ноги, и наблюдала за тем, как Хохол курсирует туда-сюда по зеленоватой воде, подсвеченной снизу маленькими яркими лампами. За эти годы она успела привыкнуть к нему, даже по-своему полюбить, он был ей нужен, ухитрился стать частью ее жизни. Марина смотрела на него и понимала, что, кроме него, ей и надеяться-то больше не на кого – отец далеко, да и нет с ним никакой близости в принципе, брату сейчас тоже не до нее – развод какой-то выдумал... А Хохол всегда рядом, он понимает ее и знает, он любит ее и старается принять такой, какая есть, хотя дается ему это с бо-о-ольшим трудом.

– Ты чего, котенок? – отфыркиваясь и мотая головой, Хохол выбрался из бассейна и присел перед ней на корточки. – О чем думаешь?

– О тебе, – улыбнувшись, Марина погладила его по выбритой наголо голове – недавно он все-таки вернулся к давнишней прическе, удивив и обрадовав Марину.

– И это приятно, – Женька склонил голову ей на колени, сев на пол. – Ты думаешь обо мне – это уже что-то, дорогая моя.

– Жень, перестань, не надо. Эти пустые разговоры так выматывают, если б ты знал! Почему я должна тебе вечно что-то доказывать, оправдываться? Тебе постоянно требуется подтверждение того, что я с тобой, что не свалила никуда.

– А чему ты удивляешься? – поднял глаза Женька. – С такой бабой, как ты, постоянно нужно рукой по койке шарить – на месте или нет.

Коваль засмеялась, вставая из шезлонга и направляясь в сауну:

– Идем, я так сильно замерзла, что уже ничего не чувствую.

Хохол оторвался по полной, натерев ее какой-то настойкой и плеснув на каменку своим любимым эвкалиптом, от которого в голове мутилось. Марина хватала горячий воздух ртом, как рыба, выброшенная на песок, но Женька не выпускал ее из сауны до тех пор, пока она не взвыла и не пригрозила не пускать его в спальню. Пока Марина приводила в порядок волосы, Женька заварил свежий зеленый чай с лотосом и принес прямо в постель, осторожно опустил поднос с чашкой на кровать и уселся рядом. Напиток источал такой изумительный запах, что Коваль зажмурилась от предвкушения неземного наслаждения.

– И как ты его пьешь с таким удовольствием? – поинтересовался Женька, забираясь под одеяло и устраиваясь поудобнее. – Ведь отравка форменная, ни вкуса никакого, ни цвета.

– Ага, чифирь из «Цейлонского» куда круче! – согласилась она, отпивая глоток чая.

– Да что ты про это знаешь, женщина? Это ж настоящий кайф, блаженство!

– Ну еще бы! – фыркнув, Марина поставила чашку на поднос. – Видела я, как ваши морды выглядят от этого блаженства! И вообще – давай спать, уже третий час ночи, если ты заметил.

– Устала? – Он обнял ее, укладывая на бок и пряча лицо в волосах. – Завтра будешь спать столько, сколько захочешь, никому не позволю подойти, даже Егорке.

Через неделю в офис «Империи» позвонил Младич и сообщил, что обдумал предложение и даже готов кое в чем помочь.

– Только предупреждаю сразу – мгновенного результата не жди, становление команды – процесс длительный, а с твоими амбициями...

– Да что ты знаешь про мои амбиции, Карлеоне! – перебила Марина, не понимая, откуда выскочило это прозвище, впоследствии намертво приклеившееся к главному тренеру. – Я просто хочу довести начатое дело до логического конца, вот и все. И я рада, что ты согласен помочь, поверь, я это очень ценю.

– Ловлю на слове – поужинай со мной завтра, – тут же попытался извлечь выгоду из похвалы Младич.

– Не выйдет. Но пообедать могу запросто.

– Отлично, тогда я заеду за тобой завтра в час.

– На трамвае? – пошутила она, зная, что машину он не водит. – Или на такси?

– По контракту мне положена «Тойота» с водителем, если я правильно помню.

– Правильно, однако есть одно маленькое «но» – контракт твой закончился, а вместе с ним и «Тойота» исчезла. Теперь у тебя нет выбора, Мирко, – придется подписать новый, потому что на трамвае я не езжу.

– Умеешь ты схватить за причинное место и больно сжать! – оценил ее юмор Младич. – Придется подписать!

На том и расстались.

Марина была уверена, что Женька не оценит ее согласия пообедать с главным тренером наедине, без него, но, в конце концов, это ведь не флирт. Убрав мобильник в карман, она нажала кнопку, и через секунду в кабинет вошла Ольга.

– Кофе, Марина Викторовна?

– Нет, чай и Хохлу позвони, пусть за мной подъедут.

Женька с Егоркой был в цирке, Марина долго пыталась убедить его, что ребенку еще рано посещать подобные места, все равно ничего не поймет, но упертый Хохол настоял на своем и повез-таки сына на представление. Они опять стали неразлучны, няню найти по-прежнему не удавалось, и Женька здорово выручал, взяв все заботы о Егорке на себя. Правда, постоянно беспокоился о том, что не может быть рядом с Мариной, доверяя ее Даниле и Севе с Геной:

– Котенок, ты уж сама повнимательнее, ладно? Пацаны, конечно, дело знают, но старайся не влезать никуда.

Влезать особо было некуда, Бес не напрягал, увлеченный Мариной подругой, все пытался уломать ее переехать к нему, но наученная горьким опытом Веточка не торопила события.

– Сама прикинь, – рассказывала она Марине, приезжая в гости, – ну на фиг мне опять головняк? Так я сама себе хозяйка, хочу – останусь у него, не хочу – встану и уеду, никто не помешает.

– Умнеешь, ведьмочка! Нечего очертя голову кидаться в авантюру, особенно с такими, как Гришка.

Но Гриня, видимо, увлекся всерьез, даже стал в делах помягче, а однажды приехал к Коваль посмотреть на Егорку. Он категорически отказывался видеть его, считая, что Наквальня сделала глупость, усыновив мальчика, и не реагировал на приглашения заехать, просто совсем перестал бывать в ее доме, хотя раньше частенько заглядывал пропустить стакан-

чик-другой. И вот вдруг явился в прошлое воскресенье, застав всех троих во дворе, – выпал снег, и Хохол катал Марину с сыном на санках. Когда ворота открылись, и «Крузер» Беса въехал во двор, они не прервали своего увлекательного занятия, продолжая дурачиться. Вальяжный Гришка в дорогой длинной дубленке выбрался из джипа, оперся о дверцу и наблюдал за происходящим снисходительно и с улыбкой. Наконец его заметили, и Хохол перевернул Марину с Егоркой прямо в сугроб. Мальчик радостно хохотал, щеки его покраснелись, глазенки сверкали, он пытался сгребать ручками снег, чтобы насыпать его на мать.

– Весело у вас! – насмешливо протянул Бес, подходя ближе и подавая Марине руку, чтобы помочь подняться. – Привет, Наковальня.

– Привет-привет! – отряхивая снег с комбинезона, отозвалась она. – Какими судьбами?

– В гости заехал к родственнице, что – не могу?

– Можешь. Егор, поднимайся, снег холодный, – повернувшись к сыну, Марина поставила его на ноги, отряхнула снег, поправила шапку. – Домой пойдем?

– Нет! – заявил он, топая ногой. – Нет!

– Ох, какой характерный! – с каким-то даже уважением в голосе проговорил Бес, с интересом разглядывая Егорку. – Ну давай пять! – Он присел перед мальчиком, протянув ему руку, и Егорка, давно приученный Хохлом и всей охраной к подобному приветствию, протянул ему свою мокрую варежку. – Ты гляди! – изумился Гришка, пожимая маленькую ручку. – Наш человек!

– Ага, хрен вам всем! – заявила Коваль, беря сына на руки и прижимая к себе. – Он мой, и не будет таким, как вы.

– А как же? – тут же отреагировал Бес. – Наследник ведь.

– Он унаследует легальное, и хватит про это! – отрезала она. – Идем в дом.

Бес кивнул своим охранникам, и те вытащили из машины огромного медведя, ростом едва ли не с Хохла.

– Племяннику, – объяснил он Марине. – Не чужой, поди. А похож, Маринка, одно лицо просто... – добавил он вполголоса.

– Да.

Настроение у нее испортилось – упоминание о схожести Егорки с Мальшом всегда причиняло боль, она расстраивалась оттого, что муж так и не увидел этого чуда, сидящего сейчас у нее на руках и тыкающегося носиком в ее шею. Бес тоже заметил помрачневшее лицо, слегка обнял за талию:

– Прости, я не хотел... Но он действительно очень похож на Егора, сразу в глаза бросается. И хорошо, что на него, – никто не станет копать, твой – не твой.

– Мне все равно, пусть копают: по документам его мать – я, а больше никто ничего не нарое. Ты проходи в гостиную, я сейчас Егорку раздену и тоже спущусь. – Марина сбросила ботинки и пошла к лестнице, крикнув Даше, чтобы накрыла стол в гостиной.

Егорка вдруг раскапризничался, никак не желал раздеваться, Марина злилась, но он все равно упирался и орал до тех пор, пока не пришел Женька и не забрал его, ноющего и трущего глаза кулачками.

– Иди, котенок, мы тут сами, ему просто спать пора. Я уложу и спущусь.

Бес был в шоке, услышав, чем занят Хохол.

– Охренеть, дорогая! Как это у тебя выходит? Жека Хохол – и вдруг нянька! Ты тигров дрессировать не пробовала?

– Пробовала – слишком примитивно, – улыбнулась Марина, садясь в кресло. – Хохла намного улекательнее.

– Ну еще бы! – не упустил своего Гришка. – Кнутом и пряником, знаем-знаем!

– Ой, расслабься уже, а? Ты чего вдруг ко мне приехал, родственник?

– Может, хоть по рюмашке предложишь?

– И предложу, – согласно кивнула она и, повернув голову в сторону двери, крикнула: – Даша, очень долго сегодня, очень долго!

– Уже готово, Марина Викторовна! – Даша с подносом появилась в гостиной, быстро и ловко накрыла на стол, достала из бара водку и текилу, и Бес удивленно вздернул брови:

– Сама, что ли, догадалась?

– Моя Дарья знает все и обо всех. Это просто ходячее досье по вкусам и привычкам нашего сообщества, Гриня. Вот если бы на твоём месте сидел Ворон, например, то на столе обязательно появилось бы ржаное шотландское виски, а чуть позже – печеные яблоки с медом и орехами. – Коваль протянула ему стакан.

– Слушай, а как ты ее этому научила? – наливая ей текилу, а себе водку, поинтересовался Гришка. – Это ж хороший тактический ход, любому приятно, когда его желания исполняются.

– Никто ее не учил, она по жизни такая, любит, когда всем хорошо. Дашка в этом доме раньше меня появилась и, как только мы с Егором поженились, на второй день уже знала обо мне почти все – какой кофе пью, как часто, что предпочитаю на завтрак, а что на обед, даже во сколько люблю вставать по утрам. Она и про охрану мою все знает – кому чай с сахаром, а кому с молоком, кто мед ложками ест, а кто варенье.

– Молодчина. Ну где там мужик твой, скоро явится? – нетерпеливо спросил Бес, покручивая стакан с водкой в руке.

– Что, не терпится шары залить?

– Давно не пил, поди, разучился...

– Ага, смешно очень!

– А не смешно, что ли? Твоя подруга прямо за ноздри взяла: не пей, много не кури, мяса поменьше, овощей побольше! – пожаловался Гришка. – Меня на зоне так не прессовали, как она!

– Я предупреждала – девушка серьезная.

Вошедший Хохол был не особенно доволен, что Марина держит в руке стакан с текилой, но промолчал, только головой качнул.

– Егорка спит?

– Куда ему деваться? Что празднуем? – спросил Женька, садясь за стол.

– Родственник заехал в гости в кои-то веки. Будешь? – она кивнула на бутылки, но Хохол отказался:

– Нет.

– А что так? – встрял Бес. – На службе не потребляешь?

– Я не на службе, а у себя дома. А пить не хочу, сорваться боюсь. – Женька спокойно набросал в тарелку салатиков и устроился поудобнее, берясь за вилку. – И тебе, дорогая, тоже можно пропустить. Давно голова не болела?

– А ты говоришь – Ветка! – повернулась Марина к Гришке, кивая в сторону Хохла. – Видал, у меня как? Так и смотрит, как бы чего не вышло!

– Если я за тобой смотреть не буду, ты такого начудишь – не дай бог! – Хохол посмотрел укоризненно, и Марина нахмурилась – к чему эти разборки при постороннем человеке?

Но и косые взгляды, и попытка забрать у нее бутылку до добра, естественно, не довели, и Коваль в компании Беса довольно прилично набралась. По ходу пьянки успела-таки выудить из Гришки кое-какую информацию – на ее многострадальный клуб начал претендовать недоброй памяти Гришкин приятель Кадет, вышедший с зоны не без бесовского участия. И это Марине совсем не понравилось. К тому же лейтмотивом беседы стала Гришкина мысль на тему, что, мол, если попросит, так ты добром отдай, Наковальня, а то хуже будет.

– Кому – мне? – Она прищурилась и глянула на развалившегося в кресле родственника весьма недобрым взглядом. – Ты не забыл, с кем разговариваешь?

– Да я-то не забыл, а вот ему по фигу, кто ты и что. Кадет хочет иметь футбольный клуб – и он его займет, будь уверена.

– Теперь меня послушай: хочет он что-то иметь, так пусть сам и поищет себе, а на мое рог не разевает! – вспыхнула Коваль, хватая сигарету. – Здесь его никто не ждет, можешь так и передать!

– Ох и дура ты, Маринка! – вздохнул Бес, беря из вазы яблоко и отхватывая от него приличный кусок. – Это ведь тебе не со мной зубатиться, Кадет – мужик серьезный, а к бабам у него вообще особый счет – слышала, наверное? Свернет тебя в бараний рог, и я не помогу ничем, просто не смогу.

– Подавится! – отрезала она, сунув окурочек в пепельницу.

Бес внимательно и совсем трезво посмотрел ей в лицо, протянул руку, погладил по щеке и снова вздохнул:

– Жалко мне тебя, девочка, такая еще молодая, жить да жить... Хохол, ты береги ее, ладно? Больше ничем помочь не смогу.

Он тяжело поднялся, шатнувшись, побрел к двери, крикнул Бармалея. Марина продолжала сидеть в кресле, даже не отреагировав ни на его высказывание, ни на то, что он уезжает. Она не могла сказать, что не было страшно, это было бы ложью, но и поджилки не особо затряслись – слышала она и еще более крутые угрозы. Уступать какому-то черту свой клуб она не собиралась, но теперь нужно было подумать о безопасности маленького Егорки, не дать кому-либо причинить ему вред.

– Женя, к Егору нужно приставить отдельного охранника, давай Себе поручим, – подняв глаза, сказала она курившему рядом Хохлу.

– Как скажешь, – равнодушно откликнулся он, и это равнодушие укололо.

– Как скажу?! А сам как думаешь?

Он развернул ее к себе, вцепился в плечи железными пальцами и зашипел в лицо:

– Я скажу тебе, как я думаю! Я думаю, что ты рехнулась, на хрен, со своими понтами! Ты готова рискнуть даже жизнью годовалого пацана, только бы никто не сказал, что Наковальня отдала свое! Только чтобы никто не усомнился в твоей бесконечной крутизне! Ладно, тебе наплевать на меня, я к этому привык, но ребенок! Подумай об этом! Не доводи все до беспредела, я тебя прошу, ради Егорки – не доводи!

– Нет! – отрезала она, оттолкнув его и направляясь в спальню.

В душе Марина была абсолютно согласна с Женей, могла подписаться под каждым его словом, но просто так, без сопротивления, отдать команду... Это не укладывалось в голове. Она сделает все, чтобы не пострадал ребенок, но и клуб тоже постарается не отдать, не для того вложила в него столько денег и нервов, чтобы запросто подарить кому-то.

Хохол не пришел, давая понять, что сердится и не желает разговаривать, а Марина долго не могла уснуть, ворочалась с боку на бок в постели. «Да, опять я перегнула, опять влезла во что-то, не подумав ни о ком, кроме себя, а в этой ситуации такое поведение чревато очень большими неприятностями».

Она встала, накинула халат и тихонько пошла в детскую, где в своей кроватке, разметавшись во сне, посапывал Егорка. Подвинув к кроватке стул, села и положила голову на скрепленные на перилах руки, глядя на спящего мальчика. Он чему-то улыбался, и на щеках появлялись ямочки, а носик смешно морщился, как у кролика. Коваль просидела возле него всю ночь, до самого утра так и не сомкнув глаз, и все время напряженно думала, как же уберечь мальчика от возможных неприятностей. Егорка проснулся и сразу потянул к матери ручки, сонно еще пролепетав:

– Мама...

– Да, мой хороший, я с тобой. – Она вынула его из кроватки и прижала к себе, укачивая, чтобы он подремал еще немного.

Егорка ухватился за борт халата, уткнулся мордашкой в грудь и снова засопел, пригревшись, как котенок. Вскоре появился Хохол, злой и небритый, мимоходом чмокнул Марину в макушку и буркнул:

– Доброе утро.

– Судя по тебе, вряд ли оно очень доброе, – заметила она шепотом, чтобы не разбудить Егора. – В чем дело?

– Спал плохо. А ты чего в такую рань подпрыгнула?

– Я и не ложилась. Ты ведь знаешь, я не могу спать, когда тебя нет рядом.

– То-то я и смотрю, глаза красные, а подумал – с похмелья болеешь. Давай мне Егора и иди ложись.

– Не хочу, – отказалась Марина. – Женя, ты злишься на меня?

– Злюсь?! Да я прихлопнуть тебя готов, ты не представляешь, как руки чешутся! – взревел шепотом Хохол, останавливаясь возле окна и опираясь руками на подоконник. – Я всю ночь ворочался, все думал, какими словами тебя убедить отказаться от мысли потягаться с Кадетом!

– Женя, а ведь еще ничего и не началось, что мы в панику ударились? Может, и не будет никакой тяжбы, может, это опять Бес решил меня за нервные окончания подергать?

– Ну да! – с сарказмом проговорил Хохол. – Такие, как Кадет, слов зря не произносят, и раз уж он обмолвился Бесу, то будь уверена, так и есть, как Гришка тебе рассказал.

Коваль подняла на Женьку глаза и твердо сказала:

– Я не отступлю, понимаешь? Лучше сдохну.

– Кому лучше? Мне? Или, может, Егорке лучше будет, если он во второй раз потеряет мать? Дура!

– Возможно. Но клуб не отдам.

– Да иди ты на хрен, Коваль! – заорал Хохол, выскакивая из комнаты. – Беспонтовая идиотка!

От его крика Егорка проснулся и заплакал, и Марина моментально отвлеклась от Женькиных слов, успокаивая ребенка. Кое-как уговорив мальчика, она понесла его в ванную, умыла, поменяла пижаму на спортивный костюм и спустилась с Егоркой на руках в кухню, где уже Даша накрывала стол к завтраку. Усадив сына в стульчик, Марина подвинула тарелку с овсянкой и протянула Егору ложку:

– Вперед, боец!

Рассеянно помешивая ложечкой кофе в чашке, она наблюдала за тем, как Егор пытается самостоятельно есть кашу, то и дело роняя часть содержимого на стол. Даша посмеивалась возле плиты:

– Нелегкая работа, да, Егорка?

– Сам! – пробурчал мальчик, и Даша закатилась еще громче:

– Вот настырный чертенок! Сам – и ваших нет!

– Давай помогу? – предложила Марина, потянувшись к нему рукой, но Егорка проворно убрал ложку за спину и заявил:

– Мама, нет! Сам!

Коваль покачала головой, удивляясь тому, насколько он похож в этом на нее – сам, мое, не трогай! Как будто он ее родной сын...

– Папа! – заголосил радостно Егорка, повернувшись к двери и заметив там Женьку, вернувшегося с пробежки.

– Привет, мужичок! – отозвался тот, вешая на крючок ветровку и направляясь в душ. – Ешь давай кашу, приду – проверю.

– Ты слышал, что папа тебе сказал? – строго спросила Марина. – Кушай быстро!

– Нет! – хитро сощурив глазки, заявил Егорка.

– Ну не обижайся тогда, папа придет и накажет тебя, дорогой мой.

– Нет!

– Да!

– Ну маму же папа не наказывает, хотя есть за что, – раздался за спиной голос Хохла. – А уж за тарелку каши ребенку точно ничего не будет. Давай помогу. – Женька сел рядом с Егором и взял ложку, которую тот беспрепятственно отдал. И даже позволил докормить себя кашей. Егор Малышев-младший не признавал женского участия, а вот мужское – запросто.

Марина ревниво наблюдала за ними, допивая кофе. Ее всегда удивляло вот это – Хохол, такой жестокий и отмороженный, при общении с ребенком становился совершенно другим человеком, заботливым, мягким. И Егорка тянулся к нему... Она же была чем-то вроде любимого плюшевого медвежонка – утром нужно поцеловать маму, на ночь мама должна читать сказку, но если это сделает папа, то будет еще лучше. Маму ждут вечером из города, звонят ей на мобильный, если вдруг задержалась, а вот папа всегда рядом, с ним весело и интересно, он разрешает многое и почти не ругает. Словом, мать из нее вышла никудышная, в этом она признавалась себе честно. Хорошо, что Хохол оказался настоящим отцом...

Следующие три дня они провели в молчании, игнорируя друг друга, – молча завтракали, Марина уезжала в офис, Хохол оставался с ребенком, – чем они занимались весь день, она не знала. Вечером так же молча ужинали и расходились по разным углам. Даже Егорка как-то присмирел, почти не хулиганил и все чаще сидел в своей комнате, тихонько возился с машинками. Марина понимала, что ситуация зашла в тупик, но уступать и просить прощения было не в ее правилах.

Прошла еще неделя, близился день рождения Малыша, в этот день Марина всегда ездила на кладбище и проводила там пару часов. Обычно ее сопровождал Женька, но теперь она даже не заговаривала на эту тему, собираясь ехать с Геной и Севой. Надев черную норку, Коваль присела в прихожей на пуфик, застегивая сапоги, и тут к ней подполз на четвереньках Егорка, схватившись за полы шубы и пытаясь встать на ноги. Она усадила его на колени и потрепала по волосам:

– Ты откуда? Маму провожать пришел?

Он задрал мордашку и заглянул ей в лицо. В его глазенках была такая недетская грусть, что у Марины защемило сердце, она уткнулась в его макушку и тяжело вздохнула. Они, двое упертых взрослых, заставляли страдать маленького, беззащитного человечка, который разрывался между ними. Он не мог ничего сказать, но понимал, что между родителями что-то происходит, раз они перестали приходить к нему в комнату вдвоем, раз перестали сидеть вместе у камина и пить чай, раз больше папа не поднимается в спальню, а сразу после ужина уходит к себе в комнату рядом с прихожей. Марина прижала Егорку к себе и зарыдала в голос, напугав его этими неожиданными слезами.

– Мама... мама... – лепетал он, пытаясь вывернуться из ее рук, и вдруг тоже заплакал.

Из гостиной выскочил Хохол:

– Что тут у вас? – и осекся, увидев, что они плачут оба. – Котенок, девочка моя, что случилось? – Он присел на корточки и попытался заглянуть ей в глаза, но Марина отворачивалась. Осторожно забрав сына, Женька убрал с ее лица волосы и спросил тихо: – Котенок, тебе плохо?

– Да... – выдохнула она, поднимая голову и глядя на него. – Мне плохо...

– Погоди-ка... – Он встал, отнес успокоившегося Егора на кухню, сдав Даше, а сам вернулся в прихожую, взял Марину за руку и повел в каминную. – Ну что с тобой, котенок?

– За что... за что ты со мной так, Женя? – всхлипывая, спросила она.

– Я хочу, чтобы ты задумалась о том, что делаешь. Я не хотел, чтобы ты мучилась, поверь, мне и самому невыносимо это молчание, я много раз хотел просто вломиться к тебе в спальню и прекратить это все, но останавливался уже на пороге. Я хочу научить тебя думать не только о себе, котенок.

– Не учи старую кошку новым трюкам, Хохол, – пробормотала Коваль, промокая глаза платком.

– Ты на кладбище собралась?

– Да.

– Хочешь, с тобой поеду? – предложил он, и Марина благодарно посмотрела на него. – Все, пять минут посиди, я только переоденусь.

Ей полегчало – когда Женька был рядом, она расслаблялась и чувствовала себя спокойно и уверенно. Через пять минут Хохол вышел из своей комнаты в черном костюме и дубленке нараспашку, поправляя на ходу кобуру с пистолетом под мышкой.

– Поехали, котенок, я готов.

В машине, однако, он отодвинулся от Марины, чуть приоткрыл окно и закурил, но одно то, что он сам предложил поехать, значило для нее много. У ворот кладбища Женька вышел из машины, купил в ларьке белые розы и протянул Марине. Она машинально поблагодарила, отключившись от мира и настраиваясь на общение с мужем. Так было всегда – она разговаривала с мертвым Егором, словно он слышал ее и мог ответить, просто не хотел. Всех это удивляло, и только Ветка понимала подругу, говоря, что там, за чертой, тоже есть жизнь.

Дорожка, ведущая к могиле, была расчищена от снега, в оградке тоже был полный порядок – кладбищенский сторож исправно следил за этим, отработывая зарплату. Коваль села на скамейку, теребя в руках цветы, охрана встала по периметру, шагах в десяти, чтобы не мешать, и только Хохол стоял, облокотившись на оградку. Было тихо и морозно, нетронутый снег искрился и переливался тысячами огоньков, и на Марину, как всегда здесь, опустилось спокойствие и умиротворение. Она смотрела на черный мрамор памятника, а перед глазами стоял Малыш – живой, любимый... Только теперь она начала понимать, как неправильно жила все эти годы, как мало внимания уделяла мужу, закрутившись в вечных своих проблемах и разборках, как обижала его своей категоричностью и непримиримостью. И ни разу за все время Егор не выказал своего недовольства, не сказал ни слова по этому поводу. Он относился к ней как к капризному, взбалмошному ребенку, которого долго ждали и которому теперь позволяют все, наверное, не надо было. Марина была почти уверена, что, если бы Егор раз и навсегда категорически запретил ей что-то, она не посмела бы ослушаться. Но Малыш был слишком деликатен и не считал для себя возможным такое поведение. Если бы не она, сейчас он был бы жив...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.